

Мария Гарзийо

Гастролерша

Мария Гарзийо

Гастролерша

«Издательские решения»

Гарзийо М.

Гастролерша / М. Гарзийо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506570-4

Героиня романа молода и отчаянна. С появлением Интернета и сайтов знакомств она получила доступ к тысячам перспективных мужчин со всех концов мира. Выйдет ли из этих знакомств нечто толковое?

ISBN 978-5-00-506570-4

© Гарзийо М.
© Издательские решения

Содержание

Коллекция 1	6
Осень/Зима 2003	7
Октябрь	7
Среда	7
А от лентяя не пахнет ничем	7
Четверг	15
Когда бывает нужен кандидат наук	16
Пятница	21
Ну, поехали!	21
Суббота	24
Would you marry me, marry me, marry me?	24
Воскресенье	32
Романтика Флорентийских ночей	32
Пенедельник	39
День, как и полагается, тяжелый	39
Вторник	43
Прощай, любить не обязуйся!	43
Среда	46
По мнению Валерии всегда чем-то обделенная, на сей раз событиями	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Гастролерша

Мария Гарзийо

© Мария Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-0050-6570-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коллекция 1

Осень/Зима 2003

Октябрь

Среда

А от лентяя не пахнет ничем

И занес же меня черт в эту глушь! Точнее не черт, а мои ноги в уютных ботиночках на платформе. Ну, а еще точнее попала я в эту Богом забытую дыру в поисках работы – труда, который облагораживает. Вот уже несколько месяцев я безрезультатно пыталась облагородиться, найдя какую-нибудь непыльную и хоть сколько-нибудь оплачиваемую работенку. Я бы согласилась на должность президента банка или, в крайнем случае, директора хоть чего-нибудь. Но руководящих постов мне почему-то не предлагали. Зато в изобилии сыпались секретари, офис-мэнеджеры, администраторы, и прочие должности, за громкими названиями которых крылось совершенно непривлекательное «пойди-принеси». Отчаяться в моих бесплодных поисках мне не позволяла решимость моих родителей занять меня каким-нибудь полезным делом. Мое безделье выводило их из себя. Они были воспитаны на советской концепции «кто не работает, тот не ест». А я вот уже пол года не работала, но ела. И это было категорически неправильно. Кроме еды, я еще одевалась, моталась по клубам и казино и летала за границу. А это уже вообще не лезло ни в какие рамки. Короче, когда позвонил очередной работодатель и сиплым голосом пригласил меня на интервью, мама безапелляционно заявила, что я должна съездить: «возможно, это шанс». Мда, шанс... Я топаю по скукоженному асфальту, сквозь который наружу лезут толстые корни деревьев, и сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Малоприятный голос этого потенциального благодетеля долго и старательно объяснял мне, как добраться до его замечательной конторы: «Поедите на трамвае, потом на автобусе, оттуда идет маршрутка... у желтого дома направо, сверните в подворотню, увидите серое здание с решетками, если в окне будет горшок с цветком – заходите». Звали его Леонид, что уже само по себе вгоняло меня в тоску. У меня когда-то был инструктор по вождению с таким же именем. Должна сказать, что водить я толком так и не научилась, зато его скрипучий голос «меее-еедленно выжимаем сцепление» до сих пор преследует меня в кошмарах.

Деревья, наконец, победили асфальт, и он оборвался, окончательно капитулировав. Справа показалась большая кирпичная церковь в легкой дымке тумана. Слева тянулась череда серых деревянных построек с затянутыми полиэтиленом окнами. «Не хватает только алкашей и трехногих собак» подумала я. Ситуация постепенно переставала меня забавлять. Как по взмаху волшебной палочки из-за угла вырулили три хромые облезлые овчарки и ринулись через дорогу, не обращая внимания на движущийся транспорт. Видно, возможность лишиться еще нескольких конечностей их уже не пугала. Дальше мне на глаза попала вывеска «Прием стеклотары». Рядом жуткого вида мужичонка выкладывал из сумки пустые бутылки. Кажется, у сумки не было дна, потому что бутылки не кончались. Становилось совсем тоскливо. Я подумала о билете в Милан, спрятанном в ящике стола в моей комнате, и на душе немного прояснилось. Слева на стене дома неожиданно мелькнуло именно то название улицы, которое я уже и не надеялась найти. Ну, что ж, осталось найти дом №6. Я знала заранее, что в этом гадюшнике работать не буду, пообещай мне хриплоголосый Леонид хоть золотые горы. Но выпол-

нить до конца свой дочерний долг все-таки надо было. А, вот, и он, серый дом, офис будущего с решетками на окнах. Захожу в подъезд, благоухающий отходами собачьего и кошачьего организма. На потрескавшейся от тяжелой жизни стене усердно выведено чьей-то недрогнувшей рукой: «Вася – лох». Ценная информация, которой стоило поделиться с человечеством. Я поднимаюсь на второй этаж по ступенькам, который выглядят так, словно их грызли, и останавливаюсь перед коричневой дверью без единой надписи. Если это офис, то надпись здесь бы не помешала. Хотя бы: «Леня – лох». Имя и занимаемая должность. Вроде в офисах так принято. Стучу вежливо и приоткрываю дверь. В просторном кабинете за столом сидит маленький мужичишка в сером свитере. При виде меня он вскакивает с места и спешит мне навстречу. Так спешит, что спотыкается и чуть не падает. «Осторожно» советую я и улыбаюсь голливудской улыбкой. Ему, наконец, удается подойти ближе. Он смотрит на меня снизу вверх.

– Это вы переводите?

«Ага, старушек через дорогу» мысленно злюсь я на его некорректную постановку вопроса. Но в слух отвечаю «да» и продолжаю улыбаться.

– Проходите, присаживайтесь. У нас тут немного неприбранно, только что въехали.

Неприбранно, это еще мягко сказано. Я сажусь в пыльное кресло. Отмечаю, что мой деловой костюм-тройка совершенно не вписывается в этот «пейзаж». Сюда отлично подошли бы коричневые штаны со спуском, которые мама использует для работы на огороде.

– Значит, переводите? – еще раз спрашивает Леонид и улыбается, не решаясь поверить своему счастью.

– Перевожу, – апатично киваю я.

– Понятненько, – потирает руки этот, с позволения сказать, бизнесмен, – Где учились, где работали?

– Мое образование и опыт работы указаны в моем CV, – замечаю я. У меня уже мозоль на языке от перечисления своих заслуг перед каждым потенциальным работодателем.

– А... Сиви... – он чешет лысину. Я не уверена, что он знает, что это. Но слово, похоже, произвело на него впечатление, – Ну, хорошо, а переводчиком вы работали, да?

– Работала. В переводческом бюро.

– Почему ушли? – оживляется он, – Был конфликт? Вы – конфликтный человек?

«Какой там конфликт, – мысленно кипячусь – просто придушила своего шефа за то, что задавал подобные вопросы».

– Нет. Решила уделить больше внимания учебе.

– Понятненько. Где учитесь?

– Я уже закончила, – объясняю, где училась, и какой у меня диплом. Кивает с довольным видом.

– Замужем? – вдруг вскрикивает он, густо покраснев.

Вопрос застает меня врасплох.

– Нет.

– Дети есть?

«Сейчас спросит, были ли аборт», думаю я, вспоминая своего гинеколога.

– Нет.

– Понятненько.

Еще одно «понятненько», и я на самом деле придушу его.

– Ну, думаю, вы нам подходите, – делает вывод он, так и не подняв глаз после вопроса про замужество.

– Хотелось бы узнать, что вы можете мне предложить, – скромно замечаю я. Надо все-таки знать, от какой манны небесной я откажусь.

– Да, да, конечно. Предложить.... Ну, я вам вообще расскажу, чем занимается наша фирма. Наша фирма занимается компьютерами. У нас обширная клиентура. Периодически

даем рекламу. У нас знакомые в издательстве, так что это без проблем. Они нам кое-что должны. Так что с рекламой проблем нет. Вот такие делишки.

– А переводить что нужно?

– Ах, переводить... Да, тут вышло так, что как-то получилось, что вместо компьютеров нас прорекламовали, как переводческое бюро...

«Хорошие знакомые в издательстве»

– Вот, и начались звонки. Уже вот два человека позвонили. А я же, что, я не перевожу.

И Васька тоже не переводит. Васька – это наш охранник.

«Кто такой Васька я знаю. На стене написано».

– Так что нужен нам переводчик. Срочно. Платить мы пока можем мало, зато вот кабинет на нижнем этаже будет в вашем распоряжении. Подключим вам Интернет, и сидите себе.

– Сколько сидеть-то? – интересуюсь из чистого любопытства.

– Что?

– Рабочий день какой?

– Ну, как положено, с восьми до шести.

– Положено с девяти до пяти.

– Ну, сидите с девяти до пяти. Главное кабинет будет полностью ваш. Мебели там, правда, пока нет.

«Компьютера, думаю, тоже. Ну, ничего, подключат мне Интернет, и буду сидеть». Комедия затянулась. Я поднялась с кресла, стяхнула с брюк пыль.

– Договорились? – вскочил с места Леонид и активно заулыбался.

– Я должна подумать.

– О! – он удивлен, что кто-то еще осмеливается думать над таким заманчивым предложением.

– Я позвоню вам завтра, – обещаю я, радостно улыбаясь при мысли о билете в Милан.

– Хорошо, – нерешительно кивает он. Когда я уже закрываю за собой дверь, кричит мне вслед – Я сам вам позвоню!

Жду, недождусь.

Выхожу на улицу, вдыхаю воздух полной грудью и смеюсь от всей души. Еще один эпизод в бесконечной череде комиксов про мои поиски работы. Теперь надо подумать, как выбраться из этого Засраченска.

* * *

Картина, представившаяся моему взору дома, вполне могла бы соперничать с лучшими творениями великих мастеров. Скажем, «Апофеоз войны» и тот выглядел бы несколько блекло и невыразительно по сравнению с *этим*. Вся светлая обивка дивана была засыпана землей из перевернутого цветочного горшка. Сам горшок валялся на полу, а его прежний обитатель – красно-зеленый куст лежал рядом в расчлененном виде. Посреди этих жалких останков гордо высидал довольный вандал – беспородный щенок трех месяцев отроду. Приобретение этого чудовища было моей идеей. Я решила, что животное внесет в наш дом уют. Вот оно и внесло. Пол часа уходит на уборку и воспитательные работы. Щенок обиженно смотрит на меня своими карими глазенками («чего разоралась, так красиво сделал. И вообще нефиг меня одного оставлять, мне скучно!») и уползает в свой любимый угол. Я вытираю руки и включаю лэптоп. Компьютер – это мое все. Не знаю, что бы я делала, если бы его не было. «Si tu n'existais pas déjà je t'inventerais» – если бы тебя еще не существовало, я бы придумал тебя, как поется в одной французской песне. Так вот он загружается, на экране появляется загорелый мальчик в плавках. Я улыбаюсь ему: «привет». Он тоже улыбается застывшей улыбкой и не отвечает. Автоматически загружается MSN. В углу экрана вылезает окошко, оповещающее о том, что юзер такой-то желает со мной побеседовать. Ну, что ж, почему бы и нет. Возможно, этого юзера удастся на что-то раскрутить. Итак, начинается привычная процедура. Потенциальный

кавалер видит мое фото и начинает расхваливать. Прилагательные типа «beautiful, pretty, sexy» льются рекой. Я слушаю и зеваю. Никакой оригинальности. Улыбаюсь ему, говорю – ну, теперь твоя очередь, покажи, что ты из себя представляешь. Ой, лучше бы я не просила. Его фото загружается пол часа, и понятно, почему. Такая, с позволения сказать, рожа, не протискивается по сети. Когда она, наконец, прибывает, то едва влезает в экран. «Ну, как?» интересуется кавалер. «Меньше пиццы лопать надо» думаю я. «Извини, мне пора», – говорю ему и закрываю окно. Нет, такого хомьяка мне не надо. Посмотрим, что еще притащили наши сети. Тааак, какой-то голландец. Сейчас заценим. Прослушав те же самые «pretty, beautiful», получаем его фото. Ну, с загорелым мальчиком на десктопе ему состязаться не по силам, но в принципе, как вариант можно оставить. Пройдя отборочный тур, голландец выходит на второй уровень. Теперь поглядим, что можно взять с этой паршивой овцы. Черета комплиментов. Ах, какая ты. ... Какие глаза... Ах, да я о такой мечтал... Ах, да если бы... Терпеливо выслушиваю, киваю, улыбаюсь. Скромно осаждаю его типа «да ладно, вы мне льстите». Он горячо возражает, доказывает мне, какая я прекрасная. Неохотно соглашаюсь. «Неужели такое сокровище и одна?» не верит своему счастью он. «Почему?» «Ожидая настоящей любви», – виртуально потупив глазки и покрывшись легким румянцем, отвечаю я. «О!» он сражен. Дальше по плану идут вопросы о моем желании завести семью и посвятить себя детям. Западные мужчины в отличие от местных очень озабочены вопросами семьи и детей. Им все это надо и сразу. «Семья – это прекрасно, но только с человеком, которого люблю» шаблонно реагирую я. Он полностью удовлетворен моим ответом. Думаю, он уже представляет меня на кухне с младенцем на руках. «Нам надо встретиться» делает вывод голландец. «Почему бы и нет» соглашаюсь я. «Я приеду к тебе» предлагает он. Ну, вот, еще, очень он мне тут нужен. Тут и без него хватает. «Конечно» не подаю между тем вида, что этот вариант меня не устраивает. «Только вот я не смогу уделить тебе достаточно времени», печальная иконка. Он размышляет, взвешивает, и тут ему в голову приходит гениальная мысль: «может быть, тогда ты могла бы приехать ко мне в Амстердам?» Так, отлично. Едем дальше по схеме. Разыгрывается трагикомедия – я бедная, но гордая! «Я бы с удовольствием, но так как я сейчас не работаю...» Он ухватывает на лету, сообразительный голландец. «Я пришлю тебе билет, и здесь на месте тебе не придется ни о чем беспокоиться!» Я, конечно, колеблюсь, говорю, что в таком случае я буду чувствовать себя обязанной. Он уверяет меня, что ничего подобного. Он совершенно бескорыстен. «Возможно, ты подумаешь, что я несерьезная. Возможно, ты будешь ожидать от меня чего-то взамен» Голландец просто выпрыгивает из отведенного ему окошка в стремлении доказать мне, как чисты его намерения. Он хочет жениться, и секс только после свадьбы. Ну, что ж, это меня в целом устраивает. Я обещаю подумать. Он шлет мне виртуальные цветы, поцелуи и объятия. На этой трогательной ноте в сети появляется другой юзер, уже раскрученный, с которым я через неделю встречаюсь в Милане. Тратить время на него особого смысла нет. Там и так все ясно. Однако, он придерживается другого мнения и сразу предлагает мне позвонить. Я беру трубку домашнего телефона. Чтобы что-то сказать, завожу повествование о том, как заблудилась в поисках работы. Он сочувствует (кстати, его зовут Марк, и он американец) и, выслушав до конца, интересуется – «ну, ты все-таки нашла дорогу домой?» Его логике можно позавидовать. Вообще американцы – это особый народ. Тут я могла бы написать трактат, который запросто мог бы соперничать с Задорновскими монологами. Они наивны, смешны, и в то же время агрессивны и жестоки, как избалованные дети. Правда, Марку жестокость не присуща, он пацифист, и даже выступает против войны в Ираке. В этом наши мнения сошлись. Однако, не смотря ни на что, Марк обожает свою родину. Он любит ее, как теленок любит корову, вымя которой кормит его, а тепло согревает. Он любит ее, потому что она дает ему все необходимое для комфортной жизни. Она воплощает в жизнь мечты, она делает возможным невозможное. Он будет кричать, что терпеть не может Буша, который похож на макаку из зоопарка, но свою страну будет продолжать преданно боготворить. Итак, мы болтаем о том, о сем. Он обещает мне, что

в Милане мы будем жить в разных номерах. Я сказала ему, что родители отпустят меня только при этом условии. На самом же деле, мои родители еще не в курсе, что я собралась в поездку. Им я скажу в последний момент, чтобы поменьше переживали. Они у меня очень ранимые, их нужно беречь. Марк говорит, что рассказал обо мне матери. «Она беспокоится за меня. Боится, как бы чего не случилось» передает он. Забавно. Маленький мальчик 38 лет отроду собрался встречаться с девочкой из Интернета. Как бы этот варвар в юбке из бывшего Союза не обидел наивного романтического бойскаута. Я заявляю ему, что если его мамаша подобного мнения обо мне, лучше нам вообще не встречаться. Знаю, что о том, чтобы отменить путешествие, речи и быть не может. Он ведь уже заплатил за билеты. Неужели он допустит, чтобы деньги пропали впустую. Да, он скорее удавится. Потому, Марк мгновенно кидается утешать меня и извиняться за недалекость своей родительницы. «Ты – лучше всех» уверяет меня он «Мы обязательно понравимся друг другу, и поженимся, и будем жить во Флориде». Еще одна отличительная черта американцев – это незыблемая уверенность в осуществлении своих планов. Ему и в голову не придет, что мне он, скажем, может не понравиться. Или, что я окажусь на двадцать лет старше и в три раза толще, чем на фото. Такие варианты не рассматриваются. Мысль идет по одномерной прямой – все будет отлично, мы понравимся друг-другу и поженимся. Иначе и быть не может. Не буду пока его разубеждать.Пусти тешится дитя.

После разговора с Марком я заглядываю в шкаф и мысленно пересчитываю одежду, которую можно взять с собой. Как всегда нечего брать. Одежды, как и денег, никогда не бывает достаточно. А может, оно и к лучшему, нигде нет таких отличных бутиков, как в Милане, а Марк сам намекал, что если у меня чего-то нету он с удовольствием купит. Вообще, я не обладаю умением выпрашивать, как некоторые женщины, которые с легкостью таскают мужчин по магазинам и тыкают пальцем: «вот это хочу». У меня даже в детстве была проблема, вытрясти из мамы новую игрушку. Я смотрела с вожделием на пластмассовых котов и медведей, но попросить не решалась. Я надеялась, что мама догадается сама. Иногда она догадывалась, иногда нет. С мужчинами надо было, конечно, быть порасторопнее.

Компьютер в соседней комнате пищит, оповещая меня о прибытии какого-то очередного юзера. Мама еще говорит, что я бездельничаю! Да, у меня работы невпроворот. Пока с ними со всеми разберешься. На сей раз это кто-то из местной службы знакомств. «Не встретиться ли нам сегодня за чашкой чая?» вежливо вопрошает неизвестный, скрывающийся под ником «ласковый зверь». Спрашиваю, его, где его звериное фото. Встречаться с человеком, не представляя, как он выглядит, это, по крайней мере, недалекновидно. Тем более отсутствие изображения само по себе наталкивает на мысль, что похвастаться нечем. Ласковый клянется мне, что первый раз в жизни сел за компьютер, а сканер вообще в глаза не видел. Я изучаю его анкету. Там значится: имя – Григорий, возраст – 25, рост – 180 см, вес – 80 кг, цвет глаз – карие, цвет волос – черные, увлечения – машина БМВ, спорт, путешествия. В целом звучит неплохо, надо признать. Спрашиваю его, где он путешествовал. Мнется, обещает рассказать при встрече. Я смотрю в окно и гадаю, рискнуть или не рискнуть. В крайнем случае, если этот зверь окажется полным уродом, я просто скажу, что я не я и слиняю по быстрому. С другой стороны он может оказаться и прекрасным принцем, таким героем моих девичьих грез. Я посмотрела на вальяжно разлегшегося на десктопе мальчика. Тот не выразил оптимизма по поводу моего предположения. «Знаю, – сказала я ему, – это очень маловероятно, и все-таки шанс есть». Он ничего не ответил, ясно не согласившись со мной. «Не ревнуй!» погрозила я ему пальцем. «Ну что сегодня в семь в центре?» – вылез ласковый зверь. «Ладно, уговорил. Я буду в голубой дубленке». «А я в черных брюках и в черной куртке». Оригинален до мозга костей. Он, конечно, один во всем городе, будет в подобном костюме. Ну, да, ладно, не понравится, нарочно не узнаю. Вылезает еще одно окно. «Давай займемся виртуальным сексом, красавица!» Я устало вздыхаю и закрываю почитателя виртуальных забав. Хватит с меня, устала. Собираюсь выключить компьютер, но какая-то неведомая сила меня останавливает. Это назы-

вається інтернетоманія. Я постійно борюся з цим новомодним недугом, но он все время одерживает верх. В коридоре звонит телефон.

– Будьте добры, Марию.

– Слушаю

– Вас беспокоят из фирмы Крмртпрст, – название произносится так быстро, что я не успеваю уловить, – Вы присылали нам свое СиВи.

– Вполне возможно.

– Возможно? Вы что не уверены? Вы что не знаете, куда посылаете СиВи?

Они начали меня утомлять. Неужели они думают, что я шлю свое ценнейшее СиВи только в единственную самую непрекраснейшую фирму Крмртпрст.

– Знаю.

– Ладно. Вы можете подъехать к нам на интервью завтра в 9?

– Могу.

– Отлично, ждем вас.

– А адрес?

Собеседница диктует мне адрес. Опять черт знает где. Я усердно записываю и вешаю трубку. Некоторое время смотрю на листок бумаги. Если его увидит мама, непременно скажет, что это шанс. И придется мне бедной тащиться в очередной Засраченск. Я тихонько комкаю бумажку и выкидываю в мусорник.

Итак, мой день бездельницы продолжается. Я бросаю взгляд на компьютер, но заставляю себя пройти мимо и устраиваюсь на диване. Щенок вылезает из-под стола и забирается на диван рядом со мной. Так мы лежим некоторое время, ни о чем не думая. На канале МСМ симпатичная блондинка поет о своей жизни. Она так и поет – «это моя жизнь», и кидает фен в ванну, где моется очередной любовник. Потом давит машиной следующего. Забавный клип. Вообще я заметила несколько повторяющихся тенденций в зарубежных клипах. Все клипы можно разделить на женские и мужские. Идеи женских клипов это – либо: «какая я прекрасная», либо: «какие мужики сволочи». Иногда и то и другое вместе. Женщины любят пинать мужчин ногами, возить связанными в багажнике, скидывать в бассейн, ну и всевозможно уничтожать. Иногда подобная жестокость объясняется – он, гад, ее не любит, или он, собака, ей изменил. Казнить, нельзя помиловать! В свою очередь мужские клипы совершенно другого характера. Тут три наиболее распространенных варианта. Первые два – негритянские клипы. У наших чернокожих братьев, судя по их творчеству, две основных фантазии. Первая – он в окружении как минимум тридцати красоток. Все они обмахивают его грудями и попками, словно веерами. Второй вариант – он крутой гангстер. Его преследуют, сажают в тюрьму, он бежит из тюрьмы, его убивают. В общем, дико крутой плохой парень (произносить гнусавым голосом, растягивая слова). Третья категория мужских клипов – это мальчишки-плакальщики. Пару симпатичных физиономий, перекошенных несуществующим страданием. При этом поют они нечто вроде «я буду любить тебя всегда». Иглесиас, помнится, истекая слезами, рассказывал, что ему нравится смотреть, как плачет его девушка. «I love to see you cry». Ну, садист просто какой-то, на мой взгляд. Очень нелюбимый мною Джастин Тимберлейк поддержал собрата и попросил свою девушку наплакать ему реку: «cry me a river». Еще я забыла упомянуть дуэты зарубежных звезд, ну, там, где кто-то кого-то фичеринг. Это выглядит примерно так. Парочка цвета шоколада, она – молочного, он – горького, покачиваются в такт незамысловатой мелодии и гундят о том, как отлично они живут. Впрочем, об этом петь не надо, это показано. Перед сглатывающим слюну зрителем проносятся Феррари, бассейны, пальмы, виллы. И на фоне всего этого шоколадные потомки дяди Тома довольно шипят: «ля, ля, ля».

Я выключила телевизор. Щенок громко по-человечески вздохнул. Я взглянула на часы. «Мы убили пол дня» сообщила я. Щенок грустно посмотрел на меня и ушел в коридор. Не найдя никакого более увлекательного занятия, я снова забралась в Интернет. Узрев меня

в сети, из всех углов, как грибы после дождя, полезли юзеры. «Тебе когда-нибудь говорили, что ты красива?» интересовался какой-то незнакомый ник. «Ты не улыбаешься на фото? Почему? У тебя плохие зубы?» «У меня сегодня день рождения, может, поздравить меня?» «Привет, как дела у самой красивой девушки Латвии?» «Ты уверена, что не хочешь меня?» Последний отчаянный возглас исходил от молодого человека, с которым я встречалась четыре месяца назад. Встречалась, наверно, громко сказано. Хотя он, кажется, воспринимал все довольно серьезно, даже говорил о любви и свадьбе. Он был на год меня моложе. И первый раз, когда он пригласил меня на свидание, я смеялась, говоря, что иду на детский утренник «В гостях у сказки». Однако, сказке удалось на первом свидании произвести на меня впечатление. Малыш рассказывал о заграничных поездках, небрежно сыпал иностранными словами, в общем, пускал пыль в глаза. Я, девушка наивная, купилась на манеры молодого буржуа. Не то, чтобы влюбилась, этого со мной давненько не случалось, но он мне определенно понравился. Однако уже на втором свидании сказка закончилась, царевна превратилась в лягушку, ну или, скорее, царевич в лягушонка. Я по инерции еще немного повстречалась с ним, пытаюсь убедить себя, что простое человеческое счастье «кино и объятия на скамейке» доступно и мне, но, увы, хватило моего терпения не надолго. Я по привычке подсчитала плюсы и минусы. Минусы перевесили, и мы расстались. С тех пор юное создание так и не успокоилось и до сих пор не теряет надежды вернуть былое. Я вздыхаю. Ни с кем из вылезших разговаривать не хочется. Я делаю нечеловеческое усилие и выключаю компьютер. Следующие несколько часов пролетают в приятных занятиях вроде накладывании питательных масок, прогулки с собакой, и приема пищи. Вечером мне звонит Ласковый Зверь, чтобы напомнить о предстоящем свидании. Надо сказать, что особого желания видеть его я не испытываю. Альтернатива растянуться перед телевизором с тарелкой винограда выглядит намного более привлекательной. Но, отступить поздно. Я апатично гляжу в зеркало на свое лишенное косметики лицо. Надо было чего-нибудь нарисовать. Или, может, пусть будет натюрель, вряд ли это «нежное животное» достойно лишней затраты Диоров, МаксФакторов и Буржуа.

Пока я добираюсь до города, он успевает позвонить мне трижды, чтобы убедиться, что я еду. Этим он окончательно и бесповоротно портит впечатление о себе, и в принципе, смысла встречаться с ним уже нет. Я иду по заснеженной улице и думаю, есть ли сейчас снег в Милане. Скорее всего, нет. А во Флоренции? А в Риме? В Риме точно нет, он гораздо южнее. Там, может быть, даже тепло. А пальмы там есть? Перед пальмами, надо заметить, я испытываю детский восторг. Они являются для меня символом чего-то светлого, яркого, веселого и пусть даже романтического, хотя я не люблю этого слова. Витая мечтами в далеких краях, я не замечаю, как оказываюсь в назначенном месте, у ресторана «Ностальгия». Когда-то этот ресторан пользовался популярностью и считался козырным местом. Теперь, как и подсказывало название, от былой роскоши остались одни воспоминания. Я осторожно выглянула из-под капюшона. У входа с ноги на ногу переминается мужичишка среднего роста, довольно полный. На нем черная куртка и брюки «в тон». Очки, мясистый нос, зарождающаяся лысина... Мда, он неречно льстил себе, когда составлял описание. Я натягиваю капюшон пониже и шагаю мимо спортивным шагом. Однако не тут то было. Он машет мне руками и спешит навстречу. И зачем только я призналась, что ношу голубую дубленку? «Здравствуй, Мария, это я Георгий». Он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Ласковый Зверь, мысленно продолжаю я. «Вы меня с кем-то путаете» оскаливаюсь я в улыбке, не теряя надежду сбежать. Не хватало еще знакомых встретить.

На этот счет у нас однажды был забавный случай. Моя подруга выловила из Интернета какого-то японца. Не знаю уж, зачем он ей сдался. Помнится, когда мы впервые открыли его фотографию, узкоглазая физиономия заняла целый экран, и служба предлагала промотать еще вправо, чтобы увидеть изображение до конца. Мы мотали и мотали, физиономия не кончалась и не кончалась. Это было похоже на фокус с вытягиванием из шляпы зайчих ушей. И все-

таки с японцем она решила встретиться. Я была призвана в группу поддержки. Мне следовало появиться позже и как бы случайно. Так я и сделала. Они сидели за столиком. Подружка потягивала коктейль, японец (а он выглядел впечатляюще в красно-желтой рубашке) цедил кофе. Я присоединилась к компании, не спрашивая разрешения. Подруга рассказывала заморскому гостю, про то, как плохо в Латвии зимой. А весной еще хуже, потому что тает снег, и повсюду собачье дерьмо. Dog shit она говорить не хотела, это вроде как было грубо. Она решила объяснить по-другому. «You see something that is left after dogs» «Dead dogs?» выпучил свои узкие глаза японец. Я поперхнулась коктейлем, представив, как в начале весны дворники сгребают с тротуаров трупы замерзших собак. Потом разговор стал менее интересным, потому что японец завел пластинку о работе. Пластинку нельзя было остановить или сменить. Что может быть для западного человека важнее работы. Я скучала, вращая глазами по сторонам. И тут мой взгляд наткнулся на парочку знакомых, из числа крутышек (крутышки – это те, которые очень хотят быть крутыми, но денег хватает только на одни новые трусы D&G в месяц). Они смотрели в нашу сторону и хихикали: «во лоха разводят». Мда, отличный пиар, расстроилась я. «Бог – это большая микросхема» сказал между тем японец.

Итак, возвращаясь к Гоге, хотя возвращаться не хочется. Он настойчиво держит меня за рукав и пытается убедить, что я – это я, он не мог перепутать. «Давай, я тебе позвоню, проверим» предлагает находчивый зверь. «Хорошо» сдаюсь я. Он сверкает от счастья. «Пойдем вовнутрь, ты наверно замерзла». «Dead dogs, dead dogs» бессмысленно звенит у меня в голове. Георгий даже не смотрит на принесенное меню.

– Я буду кофе. А ты? – он смотрит на меня маленькими маслянистыми глазами.

Я подумала, что чем меньше закажу, тем быстрее мне удастся отсюда выбраться.

– Зеленый чай.

Скромнее заказать было бы сложно. Гога доволен. Похоже, денег у него не особо.

Зато официантка явно огорчена. Жутко убогий заказ. Приносит ему маааленькую чашечку кофе, а мне большой прозрачный стакан кипятка и пакетик чая. Ни разу не видела, чтобы за границей так подавали чай. Мне больше всего нравится зеленый чай в китайских ресторанах. Там его подают в маленьком чайничке и пьют из широкой чашки. Это целая церемония. Здесь тоже церемония – опускания пакетика за веревочку в воду. Очень занимательно. Тем и развлекаюсь. Гога пыхтит рядом и смотрит на меня очень нескромно. Просто вылупил, сказала бы я. Быстрее надо выпивать чертов кипятков и валить отсюда.

– Расскажи мне о себе, – мурлычет зверь.

Еще чего не хватало.

– Ты часто знакомишься в Интернете? – не отстает он.

– Первый раз, – хамлю я.

– О, и как впечатление?

Нарывается на комплименты. Разве по моей перекошенной физиономии не видно КАК? Я неопределенно пожимаю плечами.

– Ты скованная. Наверно тебе тяжело знакомиться реальной жизни.

Кипяток, слегка разбавленный пакетной заваркой, катится вниз в желудок. Меня начинает тошнить. С такими бегемотами мне точно тяжело знакомиться в реальной жизни.

– Может быть, заказать тебе бренди или вина? Расслабишься.

– Спасибо. Лучше я домой.

– Ну, начинается. Только встретились. Сейчас выпьем, потом пойдем на дискотеку подрыгаемся.

Подрыгаемся! Мне становится совсем нехорошо.

– Тебя что дома муж, дети ждут?

– Муж. Я тебе не сказала, я замужем, – хватаюсь я, как за спасательный круг.

– Ну, и что. Муж объелся груш.

– Мой муж груши не ест. Только мясо. Сырое
Человеческое, чуть не добавила я.

– Да? Ну и хрен с ним, с мужем, – Гога придвинулся ближе и стал дышать на меня, горячим сигаретным дымом, – Ты куришь? Анашу будешь?

– Ана.. что? – я резко уворачиваюсь и вскакиваю с дивана, – Знаешь что, ты не в моем вкусе, извини, пока.

Вихрем вылетаю из ресторана, чтобы он не успел меня удержать. Похотливое чудовище, а не ласковый зверь! Прав был мальчик с десктопа. Не стоило тратить время. Последний раз встечаюсь вслепую. *Первый и последний.*

В маршрутке мне приходится выслушать тошнотворный хит Валерии про часики. «Снова своей девочкой меня назови, а потом обними, а потом обмани» визжала по радио многодетная мать. Почему-то стоило мне сесть в маршрутку, а непременно слышу этот шедевр современной музыки. Может быть, по этому меня иногда тошнит во время подобных поездок. Маршрутка несется по трамвайным путям, обгоняя машины. Водитель с явной неохотой тормозит у светофора. «По чем лес?» кричит он в трубку, не обращая внимание на возмущенные сигналы автомобилистов. «Да, будем брать. Бери, я сказал, это недорого!» Старушка с заднего сидения робко просит остановить у магазина. «Как сколько? Ты что сам не знаешь?» орет шофер. Старушка, очевидно, совсем его не интересуется. «Вам же сказали, остановите!» вступается громоздкий тип с огромной спортивной сумкой. Водитель нехотя отрывается от важных переговоров и, презрительно смерив взглядом навязчивых пассажиров, тормозит у обочины. Старушка едва успевает переместить обе ноги в лужу, около которой остановилась маршрутка, как нахальный делец тут же срывается с места, окатив ее фонтаном брызг. «Да, мы берем лес» переговоры продолжают. Надо кричать погромче, думаю я, а то завезет меня черт знает куда, со своим лесом. Однако мне везет больше, чем старушке. К тому моменту, когда мне надо выходить, лесоторговец уже выяснил все свои проблемы и, кажется, даже вспомнил, что он в некотором роде еще и водитель маршрутного такси. Передо мной выходит грузная женщина с авоськами. Я протискиваю в дверцу голову вслед за ней. Мать семейства явно не предполагает, что в мире кроме нее еще кто-то существует. Более того, что этот кто-то будет вылезать из маршрутки после нее. Потому она с полной уверенностью и не дюжей силой шандарахает дверцей. Удар оказывается для меня совершенной неожиданностью. На короткий момент я очень ясно представляю себе, как чувствуют себя Том и Джери во время своих мультяшных баталий. Откуда-то из глубин мозга всплывает пафосная фраза из аннотации к какой-то современной нетленке: «ТАК МЫ ЖИВЕМ! ПО-ДРУГОМУ НАМ НЕ ВЫЖИТЬ!» Я выползаю таки из злополучной маршрутки. Ощупываю пострадавший лоб. Похоже, будет шишка. Очень кстати. Достойное завершение этого замечательного дня.

Дома мама мне говорит, что я бездельница, и на уме у меня одни мужчины. Она права, и я не возражаю. Повинно опустив голову, отправляюсь в свою комнату. Ну, вот, закончился еще один бездарный день. В сумке дергается телефон. Сообщение от длинного незнакомого номера. «Я сейчас в Москве. Скоро буду в Риге. Встретимся?» Даже отдаленно не представляю себе, кто это может быть. Судя по количеству ошибок, его родной язык не английский. Ну, и черт с ним, отвечать я не собираюсь. Перед сном мне вспоминается стишок, который мне читали когда-то в детстве. Там было про разные профессии, от которых по-разному пахнет. Ну, типа руки пекаря пахнут хлебом, руки сантехника сами понимаете чем, только от лентяя не пахнет ничем. Я вздыхаю и думаю – ну почему же ничем? Christian Dior, Forever and Ever.

Четверг

Когда бывает нужен кандидат наук

С чего начинается утро среднестатистического работающего человека? Со звонка будильника, который вероломно прерывает сон на самом сладком месте. С чистки зубов и душа, который не бодрит, а только раздражает. С завтрака, который приходится есть впопыхах, а, следовательно, без наслаждения. Все это время – постоянное поглядывание на часы, ни одной потерянной минуты, все рассчитано по секундам. Весь процесс автоматизирован, точно как у героев романа Замятина «Мы».

Утро лентяя начинается совсем по-другому. Я просыпаюсь около девяти. Если снится что-то ну очень интересное, я позволяя себе досмотреть сновидения. Они в любом случае гораздо интереснее того, что происходит в жизни. Итак, я встаю, когда хочу. В этом уже огромное преимущество – я всегда высыпаюсь и отлично себя чувствую. Умываюсь, чищу зубы, отправляюсь на кухню завтракать. О завтраке я начинаю мечтать еще с вечера, потому что не ужинаю. Если бы у меня не было возможности позавтракать в свое удовольствие, я наверно сошла бы с ума. Итак, завтрак. Овсянка, сэр! Точнее, мэм. Что может быть лучше, чем овсяная каша на молоке без сахара. Моя сестра корчит гримасы и считает, что это жуткая гадость. Но мне нравится. Возможно, потому, что я не ужинаю. Пока я улетаю за обе щеки, с телеэкрана доносятся до боли знакомые рекламные ролики. Магнитные ленты доктора Левина по обыкновению начинают парад. На экране высохший неприятного вида старикашка с вещностью доктора Зло. Затем следует замечательная Паста Про, которая позволяет сливать макароны, и вообще, с ней вы можете сливать все, что угодно и куда угодно. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой?» спрашивает ошарашенного телезрителя голос-энтузиаст. За дырявой кастрюлей дефилирует мини-тренажер бабочка. «Я сбросил 20 кг за неделю» хвастается чемпион бодибилдинга, «И все благодаря бабочке». Следом за ним толстопузая дамочка вопрошает: «Вам надоело это выпирающее пузо? Избавьтесь от него!» Легкий взмах топора, думаю я, и ошибаюсь. Оказывается, весь секрет в волшебном корсете. Натянула, и никакого пуза. Потом надела волшебный лифчик и – о, неужели, грудь! Колени обмотала магнитными лентами, боль в спине победил космодиск, и вот вы самая обаятельная и привлекательная! Я представила себе, что будет, если такая упакованная мадам решит раздеться перед кем-то. Что должен испытать несчастный при виде подобной экипировки?

После завтрака я отдыхаю, растянувшись на диване, в то время, как перед глазами проносятся сцены из сериалов. Мне нравится один французский. Не по смыслу, конечно, иногда я смотрю его с выключенным звуком. Мне нравится природа Сан-Тропэ и симпатичные мальчики. С утра пальмы и красивые лица настраивают на веселый лад. Я, как могу, оттягиваю момент включения компьютера. И все-таки он неотступно настает. На экране появляется мой любимый симпотяга, на сей раз вполне одетый. «Ты был прав насчет вчерашнего» уведомляю его я. Он отвечает мне гордым, самоуверенным взглядом. Ну, вот, поехали. Вылезает первый юзер, здороваётся, говорит, что я отлично выгляжу. Первый комплимент за этот день. Вообще, я считаю, комплименты необходимы женскому организму, как витамины. Не все комплименты, конечно, одинаково полезны. Хороши только те, которые действительно радуют, а, следовательно, приносят положительные эмоции. Большинство комплиментов, мне лично, совершенно безразличны. Может, потому что они исходят от людей, которые мне неинтересны. Может, потому что они все дословно похожи друг на друга, словно братья близнецы. «Ты красивая». «Ты симпатичная». «Ты очень милая». «О, шикарная женщина». «Реально выглядишь, молодец». К чему тут молодец, я так и не поняла. Конечно, в том, как я выгляжу, есть и моя заслуга, но по большому счету мы просто эксплуатируем материал, данный нам природой. Итак, утренняя доза комплиментов-витаминов. Я бросаю взгляд в зеркало на свое лицо

в питательной оранжевой маске и хихикаю, представляя себе, как вытянулись бы физиономии всех этих почитателей, увидь они истинное личико Гюльчатай.

Сейчас стали модными так называемые веб-камеры, при помощи которых, юзеры могут видеть изображение собеседника на экране своего монитора. Этот скачек технологической революции напоминает мне один фантастический рассказ, герои которого проживали всю жизнь за экранами. Они знакомились, через экраны, женились через экраны, детей рожали тоже каким-то там неестественным способом. Рассказ был написан, кажется, в восьмидесятых годах. Его автор наверняка не подозревал, что когда-то придуманный им абсурд станет реальностью. Я естественно выступаю против этих извращенных веб-кэмз. Подумать только, что каждый раз, перед тем, как сесть за компьютер, мне приходилось бы краситься, причесываться, одеваться. Полный маразм.

«Почему ты не улыбаешься на фотографиях? У тебя наверно в жизни что-то не в порядке». Так, все, задолбали меня с этой улыбкой!» Я стираю все имеющиеся в наличии фото, и заменяю их на одно улыбающееся. Есть у меня такое с зубами в три ряда. Нате, радуйтесь. Будем надеяться, источник вопросов на эту тему иссяк. «Ты очень симпатичная. Только улыбка у тебя неестественная. Видно, что что-то в жизни не ладится» предполагает очередной юзер. Я обреченно вздыхаю.

Мой день Обломова продолжается. Кстати об Обломове. В школе я литературу терпеть не могла. В то время, как тучная литераторша с нереальным пафосом рассказывала о страданиях Горького, происках Чичикова и благородстве Катерины Кабановой, я тихонько рисовала в тетрадке. Рисовала мертвые души, они у меня получились полупрозрачными привидениями с глупыми мордашками. Рисовала Маяковского в желтой блузе с большим бантом. Рисовала его облако в штанах. Это произведение я так и не удостоилась прочитать, потому у меня возникло два варианта иллюстрации – большое ухмыляющееся облако, которой натянуло на себя кальсоны от D&G, и мужские брюки, в которые, невесть зачем, залетело облако и теперь доставляет носителю массу неудобств. Мои художественные изыски закончились тем, что один рисунок каким-то образом (происки врагов) дошел до литераторши. А на рисунке была изображена она сама с трехлитровой банкой подмышкой. В банке плескалась желтоватая жидкость, а надпись на этикетке гласила: «лингвоанализ». С тех пор все мои сочинения безапелляционно признавались бездарными, и оценки едва ли поднимались выше шестерки. Талантливых и смелых людей преследовали во все времена, – сказала себе и не стала переживать по этому поводу.

Итак, сегодня у меня кроме бесполезной болтовни запланировано важное дело – надо набрать группу поддержки для поездки в Милан. Хотя я и общаюсь с Марком давно и более ли менее уверена в его благонамеренности, никогда не стоит ограничиваться одним вариантом. Мало ли что может случиться. Потому и возникает потребность в так называемой группе поддержки или запасных вариантах. Найти их, учитывая то, что я лечу в Италию, не составляет никаких проблем. Я запасаюсь листиком бумаги и ручкой и начинаю составлять список. «Так, Луиджи, я записала твой номер, буду в Милане, позвоню. Дай на всякий случай еще адрес». Итальянцы ради возможной встречи готовы отдать все, адрес, телефон, номер счета в банке. «Может я встречу тебя в аэропорту?» вызывается он. «Спасибо, не надо». Я представляю, как в аэропорту меня кроме Марка встречает еще толпа местных мужчин с плакатами и улюлюкиваниями.

Из нижнего угла монитора выползает оконце, уведомляющее, что мне пришло письмо от Ксамарандуса. Не помню, чтобы я была знакома с носителем столь экзотического имени. Я открываю письмо. Все оказывается банально до боли. За гордым ником скрывается очередной Антонио из Булони. Булонь недалеко от Милана, но туда я не собираюсь, следовательно, прощай, Антонио.

По телевизору в промежутке между передачами втискивается американский юмор. Называется это произведение кинематографического искусства *just for gags*, что в моем переводе означает – просто чтобы поржать. Итак, что заставляет среднестатистического пожирателя попкорна «просто поржать»? Конечно, тут неоспоримо лидирует торт в морду или банановая кожура на дороге. Но фантазия создателей Микки Мауса на этом не останавливается. Как смешно, скажем, плюнуть проходящему пешеходу на голову или, еще лучше, вылить ведро воды. Ну, а толстяк, громко портящий воздух в лицо человеку, жующему гамбургер, вообще ни с чем в сравнение не идет. Тут впору животики надорвать. Сорри, не животики, а откормленные Макдоналдсами брюхи. А вот полицейский, который собирается помочиться на водителя, ну очень смешно. Продолжает тему справления нужды еще один ролик. Из унитаза, на который опускается ничего не подозревающий обыватель, вылезает рука и пытается ухватить беднягу за мягкое место. Крики, вопли, инфаркты. Впору забиться в гомерическом хохоте. Я думаю, попробовали бы они устроить такое в России или хотя бы даже у нас, вот уж досталось бы их толстякам-вонючкам, и руки бы туалетные все пооборвали.

Я выключаю телевизор. После лицезрения бесформенных американцев, мне хочется заняться самоусовершенствованием. Я записываюсь в солярий, делаю хлебную маску для волос. Щенок смотрит на меня с любопытством и тревогой. Потом я смешиваю маску для цвета лица, в которую входит морковь, масло льняных семян и мед. Мм, пахнет неплохо. Щенок завистливо поскуливает. Я иду к зеркалу, чтобы намазать лицо, но на пол пути меня останавливает телефонный звонок.

– Мария?

– Да, это я.

– Переводческое бюро «Куб». Мне вас порекомендовали как хорошего специалиста.

– Приятно слышать.

– Можете приехать ко мне в офис сегодня к шести?

– Могу.

Я кладу трубку и возвращаюсь в коридор. Блюдечко девственно чистое. Даже не скажешь, что так когда-то была ароматная маска для лица. Щенок забился под стол так, что не достанешь. «И не надейся, что у тебя изменится цвет лица, наглая морда» злюсь я.

Вскоре из школы возвращается сестра и занимает место за компьютером. Она просматривает свою почту, которая по большому счету идентична моей. Те же Ксамарандусы из Италии с теми же ветвистыми комплиментами. Я их прекрасно понимаю. В Интернете столько девушек, не придумывать же для каждой новые комплименты. Один раз поднапряг свое серое вещество, произвел на свет пару гениальных фраз типа «ты – богиня в теле женщины» или «ты – принцесса, королева, свет очей моих» сделал *copy/paste* и рассылал всем понравившимся физиономиям. Авось, кто-нибудь и купится на пламенные речи. Мы с сестрой не покупались. Наоборот эти пошлые псевдо-поэты вызывали отвращение и брожение в желудке.

У моей сестры есть одна любимая забава. Она влезает в киприотский чат и начинает развлекаться. Иногда мы веселимся вместе. Скажем, недавно, беседуем с одним горячим южным мужчиной. Придумываем историю скучающей замужней женщины на отдыхе. Он естественно предлагает встретиться. «Конечно» томно отвечает наша героиня, «Мне так скучно, муж где-то пропадает». Киприот заводится с пол-оборота, хочет позвонить и договориться по телефону. Мы даем номер отеля а Айанаве. Он звонит и через некоторое время сообщает, что в указанном нами номере нет никакой Валентины Самосваловой (это имя созданной героини). «О!», восклицаем мы, «Я перепутала. Мы остановились в соседнем номере. И комната записана на моего мужа, его имя Arthur Wordsworth». Мы представляем себе, как несчастный киприот будет выговаривать по телефону это имя, и давимся от смеха. В конце концов, мы назначаем неутомимому герою-любовнику свидание в другом отеле в Пафосе, до которого ему ехать два часа, и многообещающе прощаемся. Пусть съездит, проветрится, ему полезно

будет. Нефиг прельщаться чужими женами. На сей раз у моей сестры новая идея. Она приглашает киприотов на бал-маскарад. «Мы решили, что все должны быть в костюмах частей тела» уведомляет она желающих. «Костюмы допускаются любые. Ведь любые части тела – это естественно». Киприоты слушают и соглашаются. «Вот у нас есть уже одна рука, одно ухо и попа». Рука и ухо не вызывают подозрений, а вот в попу они категорически отказываются верить. «Ну, костюм, как костюм, ничего особенного» уговаривает их моя сестра и сообщает место и время карнавала. Конечно, они не придут. Но если бы пришли было бы забавно. Киприоты в костюмах частей тела. Мы покатываемся со смеху.

К тому времени готов обед, и мы отправляемся кушать. Потом я собираюсь и отправляюсь в переводческое бюро «Куб». Найти его оказывается несложно. Я поднимаюсь на пятый этаж и, постучав, захожу и представляюсь. Из-за стола поднимается пухлый старичок, похожий на сказочного гнома, и с энтузиазмом жмет мне руку. Потом он предлагает мне присесть и начинает говорить. О том, как тяжело переводить, о том, как велики налоги, о том, как несправедливы подчас клиенты. Все это сводилось к тому, что он, добрый и щедрый, не может много платить своим переводчикам. Очень хочет, но не может. У меня создается впечатление, что он вот-вот расплатится. Мне становится жаль его, хочется успокоить и сказать, что я готова работать у него бесплатно. «Наши переводчики спрашивают, почему вы платите так мало? Что же мне делать? Тогда я показываю им их работы. На каждого переводчика у меня заведено досье с теми ошибками, которые он сделал. Вот смотрите. Неплохой переводчик, кандидат наук». Он вытаскивает из ящика папку, в которой были сложены печатные листы. На одной странице business day был исправлен на working day. «Да, непростительно» соглашаюсь я и представляю себе бедного кандидата наук, которого всю жизнь преследует этот несчастный business day. Потом гном ведет меня смотреть словари. Их у него больше тысячи. Мне становится страшно. Я понимаю, что никогда не смогу стать переводчиком. Дверь открывается и в кабинет втискивается тощий мужчина маленького роста. Он лопочет что-то очень быстро. Гном передает ему какие-то листы, попутно объясняет мне, что это – лучший переводчик итальянского в мире. Судя по виду этого итальянца, платят за переводы действительно мало. Тут появляется клиент и требует свой перевод. Гном долго роется в ящике стола. Трудно найти перевод, когда там одни досье на нерадивых работников. Худосочный переводчик итальянского (наверняка, кандидат наук) тем временем отходит к окну, и что-то бормочет себе под нос. Я различаю несколько итальянских слов. Наверно, подбирает наиболее подходящий из ста синонимов. Энтузиаст. Гном между тем находит, наконец, заветный лист. На нем от силы пять печатных строчек. Гордо протягивает заказ клиенту. «С вас пять лат!» По лату за строчку. Не так уж плохо. Заказчик пытается оспорить стоимость, но это бесполезно. «Переводчик потратил время» настаивает гном «Я же не могу ему не заплатить». Получив купюру, довольно прячет ее в карман. Переводчик итальянского провожает банкноту томным взглядом. Заказчик уходит. «Вот так и ведем дела» продолжает повествование гном. Он еще долго, долго говорит о тяжелом труде переводчика под аккомпанемент вздохов итальянца. «Платим мы переводчикам лат за страницу» наконец, признается он. Я стараюсь ничем не выдать эмоций, обуревающих меня при этом открытии. Хочется побыстрее уйти и навсегда выкинуть из памяти этого лицемерного гнома с его исхудавшими от голода переводчиками-кандидатами наук. Я уже открываю рот, чтобы сказать, что мне пора, но он оказывается расторопнее и продолжает повествование. «Сейчас многие женщины выходят замуж за иностранцев» гудит гном. К чему это он? Я уже потеряла нить беседы. Мне хочется спать, и я сплю прямо сидя на стуле с открытыми глазами и время от времени кивая. «А в Израиле очень сложно получить гражданство» не унимается он. На какую кнопку надо нажать, чтобы выключить это приспособление под названием директор переводческого бюро? Я откровенно пялюсь на часы. Бесполезно. Наконец, я решаюсь. Громко вздыхаю и заявляю, что мне пора. Гном поднимает глаза от толстого словаря морских терминов, который он за секунду до этого нахваливал. На его сморщенной

физиономии детское удивление – как можно уходить, когда речь зашла о словарях? Как может у кого-то быть более важное дело, чем словари? Он нехотя поднимается, сжимая под мышкой лучшего друга. «Я вас провожу» Он плетется за мной по коридору и продолжает трещать. Не замолкает даже тогда, когда у меня звонит телефон, и я разговариваю с мамой. Она интересуется, куда это я запропастилась. Переводческое бюро «Куб». Скорее Бермудский треугольник.

На улице пушистыми хлопьями падает снег. Прохожие несутся, натянув капюшоны до подбородка и уставившись себе под ноги. Если сейчас с неба на землю упадет звезда в метре от них, они этого даже не заметят. Я смотрю в розово-серое вечернее небо, и мне жаль, что у меня нет крыльев. Я бы взмахнула ими и взмыла над всей этой суетой. В сумочке дергается телефон. На сей раз это Марк. Что-то часто он стал звонить. Спрашивает, почему я не отвечала. Объясняю, что была занята. Он бубнит что-то. В шуме машин его далекого голоса, несущегося с другого конца света, почти не слышно. Я отвечаю что-то, и он меня тоже не слышит. «Я перезвоню тебе» обещает он, и связь прерывается. Я иду по заснеженной улице и удивляюсь, зачем он нужен мне, этот чужой американец? Неужели я на самом деле, верю, что из этой встречи может получиться нечто серьезное? Лучше скажу себе, что верю. Так думать приятнее.

Дома я рассказываю родным о своем очередном походе за славой. Точнее за работой. Мама качает головой. Наверно, она все-таки думает, что это мог быть шанс. Я беру с кухни апельсин и манго – мой ужин и сажусь к телевизору. Что нам сегодня покажет голубой экран? Листаю программу. О, да, сегодня же четверг! Со своим образом жизни я совсем потеряла счет дням. Прямо как граф Монте-Кристо в замке Иф. Выходит, завтра пятница. А улетаю я в субботу с самого «ранья». Хм, времени осталось не так уж и много. Я бросаю взгляд на маму, уютно устроившуюся на диване и приготовившуюся смотреть сериал. Потом на бабушку, читающую любимую политическую газету. На папу посмотреть не могу. Он по обыкновению на кухне. Спит, укрывшись газетой, под выстрелы и крики героев боевика. Идиллия. Стоит ли разрушать ее преждевременным сообщением о моем отъезде? Я отрезаю ломтик манго. Нет, я скажу им завтра. Вечером. «Я видела, ты постирала одежду» говорит между тем мама. Постиранный одежда – это плохой признак. Так же, скажем, как мытье головы на ночь глядя означает выход в свет. Не то, чтобы они против, просто они переживают. «Да, постирала» спокойно реагирую я «Просто мне было нечего делать, и я решила навести порядок». Мама кивает: «а я уже испугалась». Вот такие вот они у меня трепетные! Звонит Марк. «Может, тебе что-то привести? Одежду? Куртку? Штаны?» Ну, тут меня уже злость берет. Он что думает, я к нему с голым задом поеду? «Штаны? А что это?» переспрашиваю я голосом ребенка олигафрена. «Ты не знаешь, что такое штаны?» на полном серьезе спрашивает он. «Нет, такое наверно только у вас в Америке делают. А мы, когда холодно прикрываемся волосами. И пьем много водки. И еще с нами живут белые медведи. Мы вместе с ними пьем водку и нам тепло. А ты говоришь, штаны» Он слушает меня и некоторое время молчит. Компьютер усваивает информацию и выдает ответ: еггг. «Ты шутишь» догадывается он. Бинго! А он не такой тупой. Один американец поверил и в медведей и в водку, и сказал, что да, именно это он и слышал о России. А Латвия, по его мнению, была островом в Тихом океане. «Может быть, тебе нравятся украшения?» продолжает Марк. «Кому же они не нравятся» усмехаюсь я. «Я уверен, что мы отлично проведем время» трубка улыбается американской улыбкой cheese. «Я решил немного изменить маршрут. Мы проведем в Риме два дня. Так будет лучше». Римские каникулы. Что ж, я согласна. Очень хочется посмотреть на колыбель цивилизации. «Я встречу тебя в аэропорту Линате в Милане» «Ты уверен, что мы узнаем друг друга?» тревожусь я. «Конечно, уверен» Еще бы, я забыла, он же во всем всегда уверен. «Ты выглядишь как на фото?» хочется удостовериться мне. «Конечно. Почему ты сомневаешься?» Потому что было пару случаев, когда люди, с которыми я встречалась, не имели с фотографиями ничего общего. Один был лет на пятнадцать старше, чем на фото. Другой килограммов на тридцать тяжелее. Но Марку я

рассказать об этом не могу, потому что по легенде он – первый мужчина, с которым я познакомилась по Интернету. Следовательно, ограничиваюсь кратким «ну, мало ли». А сама представляю себе самый худший вариант (если я его представлю, значит, так уже не будет). Марк жирный, как среднестатистический американец, с длинными седыми волосами, серьгами в ушах, уродливыми татуировками на дряблых руках и запахом тухлых гамбургеров изо рта. Он постоянно жуёт жвачку, громко чавкая и разбрызгивая слюну, и время от времени восклицает: son of a bitch! Мне становится так противно, что хочется бросить трубку. Как я могу общаться с таким уродом?! Марк уверяет меня, что выглядит точно как на фото, и я немного успокаиваюсь.

Перед сном я принимаю теплую ванну, намазываюсь кремами и залезаю под одеяло. Пусть мне приснится солнечная Флорида и Марк с внешностью мальчика с десктопа. Мои пожелания не осуществляются. Мне снится, что я в аэропорту вместе с Маринкой – школьной подружкой. Она летит в Ригу, а я на встречу с Марком. Только вот, где эта встреча должна состояться, я забыла напрочь. У меня есть билет – толстая книга, очень похожая на словарь морских терминов. В ней одни цифры и закорючки, и я ничего не могу понять. Я даже не знаю, в каком аэропорту нахожусь. Вроде, что-то скандинавское. Маринка тем временем находит указатель «Иманта» и отправляется на свой рейс. А я остаюсь с этим билетом-словарем. У меня жуткое потерянное чувство. Я не знаю, ни куда лечу, ни во сколько. Подхожу к окошку с надписью Information и, протянув свой странный билет, прошу объяснить мне, какой мой рейс. Девушка смотрит на словарь, листает его и отвечает по-русски: «А фиг его знает. Тут вам нужен кандидат наук».

Пятница

Ну, поехали!

Я просыпаюсь, когда нахальный луч солнца пробивается без приглашения ко мне в комнату и начинает ползать по лицу. Я жмурюсь и открываю глаза. Заставляю себя улыбнуться. Это – мое правило. Каждый день должен начинаться с улыбки, даже если улыбаться совсем не хочется. На сей раз, выходит мучительная гримаса. Еще только пол девятого. Я не доспала заслуженных пол часа. Я думаю о том, что завтра мне придется проснуться в пол пятого, потому что самолет у меня около семи. Зря Марк купил билет на такое время. Я не проснусь. Ни за что не проснусь. Солнце щекочет кожу, и я улыбаюсь, теперь уже по-настоящему, от души. Как хорошо, что солнце вернулось. Его не было видно несколько недель. Рига окунулась в густую беспросветную мглу, все цвета вокруг померкли, как будто художник взял черно-белую палитру. А в это утро мир опять заиграл красками. Отлично. Я встаю с кровати и шлепаю в ванну. За завтраком по обыкновению прослушиваю ролики про магнитные ленты, Пасту Про, надувные матрасы, чудо-ножи и прочие невероятные достижения человечества. Интернет тоже не радуется новизной. Мальчик на десктопе сменился пальмами. Я не стала возражать. Мужчины, даже красивые, рано или поздно надоедают. То ли дело пальмы. Итак, что тут у нас. Заманчивое предложение от полного молодого человека в трусах:

ПРИВЕТ ТИ ОЧЕН КРАСИВА Я БЛЮБИЛ У ТИБЯ ТИ МОЖНА ПРИЕДИТ У МИНЯ НА ГОСТИ У СОФИЯ ОТДИХ ПРЕКРАСНИ ЗАБАВЛЕНИЯ ДЕНГИ НЕ ПРОБЛЕМ ПОЗВАНИ НА МОИ ТЕЛ- ГЕОРГИ. Закрываю поскорее фото и стираю сообщение. Ишь какой, любил бы он меня! Прекрасные забавления! Деньги не проблем. Если деньги не проблем, купил бы себе лучше нормальные трусы, а то позирует на весь мир черти в чем. Следующее сообщение более оригинально. «Не хотите познакомиться с молодой парой?» С молодой

парой хомячков, почему-то хочется закончить мне. Да, по истине велик Божий зоопарк. «Красивые фотки. Может, познакомимся?» это пишет девушка. Мда, утро богато извращениями. Мне становится как-то противно. «Amore mio! Те amo!!» орет между тем плешивый итальянец и сыпет сердцами. «Я занята» отвечаю я и отправляю его в игнор. «Ты приедешь ко мне?» обнаруживается голландец, с которым я общалась на днях. «Не знаю. Пока занята» Что-то встречаться мне с ним уже неинтересно. Хотя может быть, когда-нибудь... Оставим как вариант. «Salut» прорезается голос незнакомого француза. Апатично нажимаю на фото, чтобы посмотреть, кто он такой. Француз оказывается неожиданно симпатичным. Высокий, темноволосый, темноглазый, в целом в моем стиле. Мне становится интересно. Завязывается беседа. Он рассказывает, что живет на Cote D'Azur. Еще интереснее. Весьма преуспевает, квартира, машина. Хм, как говорится в игре, еще теплее. Лет ему 26. Мой любимый возраст. Теплее. Он неженат и ни с кем не встречается. Почти горячо. Я устраиваюсь поудобнее за монитором в предвкушении многообещающего знакомства. И на пятой минуте понимаю, что ошиблась. «Понимаешь», говорит он, «У нас на юге Франции очень мало женщин. По этому женщинам тяжело хранить верность своему бойфренду. Вокруг столько соблазнов». «Какие могут быть соблазны, когда любишь человека?» я мысленно устанавливаю надо головой нимб и стараюсь держать равновесие, чтобы он не упал. «Да, но все равно. Много других мужчин вокруг. Девушка начинает сравнивать». «Если по-настоящему любишь, не сравниваешь» нимб поблескивает. «Но ведь все равно будешь сравнивать» настаивает он. «Я не буду, я не такая» еще и крылья на спину. «Хорошо. Представь, что мы с тобой живем вместе». Я представила. Мысленно сосканировала картинку из Сан-Тропэ. Получилось неплохо. «У тебя есть дом, машина, и мы с тобой любим друг друга». «Отлично» «Теперь представь, что я на работе, а ты идешь на пляж». С воображением у меня никогда проблем не было. Я шагаю по набережной Сан-Тропэ в легком платье, через плечо пушистое полотенце, в руках сумочка, волосы развиваются за спиной. «Ты плаваешь в море, а когда выходишь, находишь в сумочке листик со стихами. Что ты будешь делать?». Поправлю нимб и выкину записку. «А на следующий день к тебе подходит молодой человек и предлагает поиграть с ним в волейбол» продолжает сказочник. «Я откажусь» гордо отвечаю я. «Неправильно!» Ну, вот, ответ неверный. Я – самое слабое звено. Нимб покачнулся и скатился на пол. «Почему это неправильно?» француз мне уже разонравился. С виду симпатичный, но гнилой внутри. Такие тоже нередко попадают. Он чего-то бормочет, сам себе противоречит. Я заблуждаюсь в лабиринте его принципов и комплексов. «Тебе скучно со мной» делает вывод он. «Да, нет, что ты» вяло отрицаю я. Однако, яркие пейзажи Сан-Тропэ постепенно расплываются и исчезают в дымке. Ну, и черт с ними. «И все-таки тебе скучно» настаивает француз. Вот зануда! «Еще десять раз это повтори, и я соглашусь» вздыхаю я и закрываю окно.

Служба уведомляет меня о получении письма. Очередной виртуальный поклонник. Каким простым стало знакомство благодаря достижениям техники. Легкое нажатие клавиши, и в вашей жизни появляется новый человек. Вам не приходится краснеть, бледнеть, ломать голову, с чего бы начать беседу. Если вам не отвечают, вы тоже не чувствуете себя отвергнутым. Ну и Бог с ней/с ним, вокруг полно других вариантов. Это, конечно, положительная сторона. Но в то же время легкодоступность знакомств уничтожила ореол романтичности и загадочности. Новые знакомства перестали восприниматься всерьез. Я, например, получив очередное письмо, едва пробегаю строчки глазами и, не усмотрев никакой интересной информации, отправляю в корзину с мусором. Я выбрасываю эти стереотипные письма, вместе с их стереотипными создателями. Мне они неинтересны. Их слишком много, и они все похожи, как братья близнецы.

Да, и вообще, не следует забывать, что уже завтра я встречаюсь с Марком. Надо хоть за день до встречи проявить некоторое подобие лояльности. Он мне недавно рассказывал, как к нему на работе приставала сотрудница, но он заявил ей, что у него есть девушка. Я ему,

конечно, ответила похожей историей, которую сочинила на ходу. И так, мне становится стыдно за свое поведение, и я выключаю компьютер.

Надо убить еще несколько часов. Живучие часы никак не хотят умирать и отчаянно сопротивляются. Время тянется отвратительно медленно. Не помогает ни чтение Ремарка, ни разгадывание кроссвордов. Наконец, наступает время обеда. За едой я краем глаза смотрю ежедневную женскую передачу. «Я приехала к нему в гости, ни о чем не подозревая. Меня тут же отвезли в какой-то дом и заперли. Всю следующую неделю меня били и насиловали» повествует женщина в парике и темных очках. «Куда это она поехала?» вяло интересуюсь у бабушки, которая в курсе душещипательной истории. «В Италию» И зачем я спросила? «Может, переключим?» предлагаю я. А то у меня аппетит что-то совсем пропал. «Нет, дай досмотреть. Представляешь, девушка поехала к заграничному жениху, и вот что вышло. Смотри там осторожнее в Интернете». «Ну, в Интернете со мной точно ничего не случится» успокаиваю ее, откусывая лаваш. Не лучшее время, чтобы сообщить, что как раз завтра я отправляюсь на встречу с заграничным женихом именно в Италию. Интересно того «принца» звали не Марк? «Вас изнасиловали инопланетяне? Ваш муж оказался гермафродитом? Тогда мы ждем вас у нас в студии!» брызжа энтузиазмом, приглашает ведущий. Дальше после очередного блока рекламы идут новости. «От пропавшего в среду вертолета все еще нет никаких вестей» монотонным голосом сообщает диктор с парафиновым лицом. «Террористы взяли группу заложников на границе с Чечней. В результате пожара в подмосковной школе погибло двадцать четыре ученика. Число больных атипичной пневмонией стремительно растет. Сегодня на пятьдесят первом году жизни скончался известный композитор... Сразу после программы «Время» смотрите премьеру триллера «Кровавый ад». Меня передергивает. Зачем смотреть триллер. По-моему и новостей вполне достаточно. Я выключаю телевизор и вытаскиваю из шкафа чемодан. Пора собираться. Бабушка отрывается от газеты. «Чего ты тут пыль трясешь?» Я скромно пожимаю плечами.

– Смотаюсь в Милан на пару дней.

– Куда-куда?

– Милан – город на севере Италии.

– Ты что шутишь?

– Нет, я серьезно. Мой самолет вылетает завтра в семь утра.

Бабушка ошарашено хлопает глазами.

– И кто он?

Легкомысленно махаю рукой

– Да, так, один американский миллионер.

– Ты все-таки меня разыгрываешь, – облегченно вздыхает она.

– Да, нет, же. Как ты думаешь, какую одежду лучше взять?

Следующий час уходит на выбор одежды, глажку и упаковывание. Бабушка, свыкнувшись с неизбежным, пересказывает историю древнего Рима (она – историк) и перечисляет места, которые я непременно должна посетить. Я слушаю ее в пол уха. Где-то в глубине просыпается волнение. Что за человек встретит меня завтра в аэропорту? Чем обернутся для меня эти пять дней? Романтическим приключением или мучительной пыткой? Как по заказу звонит Марк. «Я уже вылетаю» говорит он, «завтра в десять сорок я буду ждать тебя в аэропорту Линате. Если вдруг мы не встретимся, запиши название отеля и адрес». «Давай лучше встретимся» капризничаю я. «Ну, мало ли что. Запиши». «Хорошо» соглашаюсь и, решив, что и так запомню. Вскоре с работы возвращаются мама с папой. Бабушка встречает их сообщением о моем отъезде. Мама меняется в лице, из папиных ослабевших рук выскальзывает дипломат. Они сразу как-то стареют на несколько лет. Мне становится стыдно за свой разложенный чемодан. Немного придя в себя, мама заваливает меня вопросами. Кто такой этот Марк? Почему

он не мог сам прилететь в Ригу? Чем она занимается? Кто его родители? Папа тем временем отправляется в ближайший банкомат снимать деньги для непутевой дочурки.

Вечером мы все сидим у телевизора. У родителей такой вид, как будто они отправляют единственно дитя на войну. Я чувствую себя виноватой и потому сворачиваюсь в клубочек и стараюсь не маячить перед глазами. На экране телевизора всенародный любимец дядя Леня в костюме аквалангиста и папахе на голове. «Вот вам огурчиков привезла» лепечет сухонькая старушка «и хлебца». Дядя Леня с презрением смотрит на жалкие приношения. «А больше в вашем Заболотном ничего не нашлось? Ну, водки хотя бы?» «Как же, как же, Леонид Аркадьич, конечно!» спохватывается старушка. И вот они уже разливают деревенский самогон по рюмкам, и знаменитый шоумен театральным жестом вытирает свои знаменитые усы. «Я хочу вам спеть» вызывается захмелевшая бабулька. «Конечно» дядя Леня радуется, напевая что-то себе под нос и покручивая барабан. «А теперь я вас расцелую» в конец раскрепощается старушка

«Можно я переключу?» робко спрашиваю я. «Нет. Интересно же что там за слово» противится бабушка. Слово там одно – «убожество». Но спорить с бабушкой я не решаюсь и ретируюсь в свою комнату. Чтобы не думать о предстоящей поездке и не волноваться, беру с полки первую попавшуюся книгу и открываю на середине.

«Ты уверен, что бумаги похитил Коврижкин?» спросила она, поправив выбившийся из прически локон.

Он не ответил ей, подошел ближе и сжал в объятиях. Она подпрыгнула, обхватила коленями его талию, укусила за ухо и тонко пискнула».

Я откладывая книгу и представляю себе эту картину. Подпрыгнула и укусила за ухо. Точно так же ведет себя наш щенок, когда хочет проявить свою щенячью любовь. Я бросаю взгляд на фамилию писательницы и вспоминаю, что имела счастье видеть ее в одном из популярных ток-шоу. Это была здоровая бабенция килограммов за сто. Бедный Коврижкин, или на кого там она запрыгнула. Я пролистываю вперед. Коврижкин оказывается крепким малым и не смотря на пылкость возлюбленной доживает до конца книги. «Мы назовем наших тройняшек в честь тебя» хихикает героиня на последней странице. Мне становится в конец жалко этого бойца неведомого фронта и я захопываю книгу. «Не смей брать мой тональник и тени» доносится из соседней комнаты. Это любимая сестричка провожает меня в дальнюю дорогу. Я желаю всем спокойной ночи (при этом лица родителей искажает гримасса – ты что издеваешься? Какое тут спокойствие?) и отправляюсь спать. Перед сном накручиваю волосы на бигуди. Удобнее спать от этого не становится. Я верчу головой вправо, влево, пытаюсь выбрать положение поудобнее. Наконец, мне удается заснуть. И тут сквозь тонкую пелену сна пробивается назойливый писк мобильного. Проклиная все на свете, а прежде всего изобретателей мобильной связи, вылезаю из-под одеяла и тыкаюсь носом в экран телефона. «Ты спишь?» вопрошает неизвестный номер. Это по истине самый умный вопрос, который можно задать человеку в 2 часа ночи!

Суббота

Would you marry me, marry me, marry me?

Как же мне хочется спать! В голове, кажется, образовались вмятины от бигудей. Глаза не открываются. Я с трудом выкатываюсь из постели. Шлепаю босыми ступнями по полу и, не рассчитав траекторию, стукаюсь лбом о зеркало. Оттуда на меня взирает помятая заспанная физиономия с щелочками-глазами. «Я мечтаю любоваться тобой утром, когда ты только

просыпаешься и открываешь глаза» вспомнились мне слова какого-то поклонника. Знал бы он, о чем мечтает. Ледяная вода из-под крана немного приводит меня в чувство. Я накидываю халат и плетусь завтракать. Потом краситься. «Ваши ресницы точно лапки паука?» звенит в помятой бигудями голове рекламная фраза. «Да-а» мысленно отвечаю я, щедро намазывая ресницы тушью. Лапки паука толстеют и вытягиваются. На часах пол шестого. На шесть у меня заказано такси. Завершив макияж, остаюсь вполне довольна. Мама с папой уже проснулись и дают мне последние напутствия типа «веди себя хорошо, с чужими дядями на улице не знакомься». С чужими дядями все продвинутые девочки давно уже знакомятся в интернете. Сестра спит, что позволяет мне беспрепятственно уложить в чемодан заветный тональник и тени. Щенок вылезает проводить меня. «Поедешь в Милан?» спрашиваю я. Он радостно виляет хвостом и начинает прыгать вокруг меня. Слова «поедешь», «пойдешь» он понимает отлично и всегда готов составить компанию. Мама ругает меня, что я зря раззадориваю собаку. Таксист сообщает, что приехал. Мы садимся на пару секунд, потом вскакиваем, и папа помогает мне стащить чемодан вниз к машине. Мама машет из окна. Я сажусь на переднее сидение рядом с водителем и машу им вслед. Машина выезжает со двора. Я улыбаюсь. Приключения начинаются!

– В аэропорт? – уточняет таксист.

Я молча киваю. Разговаривать с ним мне не хочется. Он совсем несимпатичный, и вообще я не очень люблю таксистов.

– Куда летим?

Очень не люблю это обращение от первого лица. Так и подмывает сказать «*Вы* – никуда».

– В Милан.

– О-о, – потягивает он со знанием дела, – А почему без друга?

Это уже попахивает хамством. Я вспоминаю, где выкопала этого таксиста. Кажется, нашла номер в телефоне. Кто-то советовал его, как дешевого. Лучше бы, в агентство позвонила.

– Мы с ним там встречаемся, – нехотя признаюсь я. Подумает еще, что нету у меня друга, и можно предложить свою кандидатуру.

– А, ясно. Он —итальянец наверно.

Вот, блин, любознательный какой выискался. Я упорно молчу. Надо было с самого начала притвориться глухонемой. Мое молчание, однако, его нисколько не смущает.

– Итальянцы, они такие. С ними надо осторожнее. А то ходят, вон, пристают к девушкам, а потом уехал и поминай как звали.

Таксист говорит с таким чувством и знанием дела, как будто сам неоднократно становился жертвой ветренных итальянцев.

– Вообще, не понимаю, что наши девушки так на иностранцев зарятся? Что в них хорошего? Их, конечно, на деньги развести легко. Лохи лохами. Одной моей знакомой американец машину купил. Ну, не лох?

Действительно, чтобы купить женщине машину надо быть полным лохом.

– Мы, конечно, не такие. Меня вчера в баре пыталась какая-то мартышка на выпивку раскрутить. Не тут-то было!

Мне становится противно до тошноты. Я отворачиваюсь к окну и стараюсь не слушать этого кретина. Если он среднестатистический местный мужчина, то ловить здесь точно нечего. Надо брать Марка в оборот и перебираться в Америку.

– Ну, вот приехали.

– Сколько? – мрачно спрашиваю я.

– По счетчику. 7 лат.

От моего дома до аэропорта 15 минут. Обычно мы ездим за 3—4 лата. Но, спорить я не хочу. Он и так испортил мне все настроение. Я вылезая из машины. Он выкидывает

из багажника мой чемодан и кричит вслед «звоните еще!». Непременно. Каждый день буду звонить.

Зарегистрировавшись, отправляюсь на паспортный контроль. Таможенник с интересом изучает мой паспорт. Разве что на зуб не пробует. Потом обращается ко мне по латышски.

– Куда летите?

– В Милан через Стокгольм, – честно признаюсь я, размышляя правильный ли пол я присвоила Милану.

Латыши извратили все географические названия до такой степени, что порой угадать что есть что оказывается просто невозможно. Переправив весь мир на свой лад, они на этом не остановились и взяли в оборот даже имена собственные. Однажды я стала свидетельницей забавного телефонного разговора. Секретарь одного британского бизнесмена звонила в парикмахерскую, чтобы договориться о визите для босса. Говорила она на латышском, который подразумевает, что каждое мужское имя должно заканчиваться на с. «Да, да – щебетала она в трубку, – на десять часов, запишите – Маркс!» Тут взбунтовался сам шеф, который явно не являлся почитателем коммунистических теорий Карла Маркса. На чем они в конце концов порешили история умалчивает.

У моей бабушки, которая пренадлежит к маленькому северному народу коми, в паспорте написана национальность комиете. Комета, короче. И таких примеров можно привести бесконечно много.

Таможенник еще некоторое время мусолит в руках мой паспорт, размышляя о чем-то своем. Я терпеливо жду. Наконец, он возвращает мне документ, и я отправляюсь на металлодетектор. В моей сумке не обнаруживается ничего запретного, и вот я уже внутри терминала. Первым делом нужно приобрести успокоительное. Я все-таки нервничаю. Как говорил «человек в футляре» – кабы чего не вышло. Наличие в сумке маленькой бутылки Джек Дэниелса значительно успокаивает меня. Примерно через пол часа, я поднимаюсь на борт самолета скандинавских авиолиний SAS. Меня охватывает удивительное чувство восторженности. Уровень адреналина несется вверх. Хочется расправить руки и полететь самой далеко за облака в неведомые страны, где живут люди непохожие на нас, где говорят на непонятных языках, и где растут мои любимые пальмы. Вперед туда, в прекрасное далеко и будь, что будет!

Стюардесса нудно повествует о том, как правильно застегивать ремень безопасности и спасательный жилет, который находится под сидением. Большинство пассажиров мало интересуют меры предосторожности, они за свою жизнь слышали все это ни раз и ни два. Хотя могу поспорить, если что-то ни дай Бог случится, все они запаникуют и не найдут никакой жилетки под сидением. Впрочем, что может случиться. Рядом со мной сидит рыхлый скандинав в жилетке, как две капли воды похожей на спасательную. Стоит ему усесться на сидение, которое ему немного мало, как он тут же закидывает голову назад и начинает храпеть с мощью истинного викинга. Я затягиваю ремень покрепче, чтобы меня не снесло. Самолет медленно, как-то неохотно катит по взлетной полосе. Он сонный и ему вовсе не хочется никуда лететь в 7 часов утра. Что поделаешь, такая работа. Когда шасси отрываются от земли, мой грузный сосед дергается и валится на бок. Мне вспоминается статья в газете про то, как жирный американец задавил сидевшего рядом пассажира почти до смерти. Я отпихиваю нахального скандинава и отворачиваюсь к окну. Сверху зимняя Латвия похожа на запущенное кладбище. Снег, одинокие кляксы построек Я достаю из сумочки Джек Дэниелс и прошу стюардессу принести мне Колу. В дополнение мне приносят пластиковый подносик с чем-то с виду несъедобным завернутым в полиэтилен. Толстяк просыпается, с удовольствием разворачивает свой сверток и с причавкиванием уплетает за обе щеки нечто, что при жизни было вареным яйцом. Запах этого нечта не вызывает у меня энтузиазма и я отодвигаюсь подальше. Наконец, самолет начинает снижаться. Уши закладывает, и я едва различаю шум двигателей. Шасси ударяются о землю. Гурман на соседнем сидении слегка подскакивает и издает нечленораздельный

звук. Через несколько минут я уже шагаю по терминалу в Стокгольмском аэропорту Арланда. Указатели ставят меня в тупик, и я вглядываюсь в таблоиды, силясь сообразить, что есть где. Рядом со мной останавливается женщина.

– Вы не в Милан?

– В Милан, – радостно соглашаюсь я, рассматривая попутчицу. Она чуть ниже меня ростом и лет на 5 – 6 старше. Симпатичная блондинка в дубленке цвета морской волны и такого же цвета теньями на веках. Мне достаточного одного взгляда, чтобы распознать в ней родственную душу. Мы вместе отыскиваем дорогу в лабиринте шведских терминалов и останавливаемся у кабинки «Паспортный контроль». Из-за стекла нас с интересом осматривает истинный скандинав – темноволосый и темноглазый с кофейного цвета кожей. Он безразлично штампует паспорта, едва взглянув, и просит нас оставить ему свои телефоны. Я не слышала, чтобы проверка паспортов включала в себя обмен телефонами и адресами. Но сопротивляться должностному лицу вроде как не положено, и я послушно черчу на бумаге первую пришедшую на ум комбинацию цифр. Моя попутчица следует моему примеру. Минут через сорок я занимаю свое место на борту самолета Стокгольм-Милан. Последний отрезок моего пути. Уже совсем скоро я увижу Марка. От этой мысли мои внутренности хоть и пропитанные Джек Дэниелсом болезненно сжимаются. Да, я авантюристка, я люблю приключения, риск и все прочее, но иногда это бывает так волнительно. На сей раз моим соседом оказывается мужчина лет 30 с бордовых брюках. Когда самолет оказывается в воздухе, у нас неизбежно завязывается беседа. Он, оказывается из Лондона, летит на два дня посмотреть футбольный матч.

– А я за покупками, – не моргнув глазом вру я. Не признаваться же, что я лечу на встречу неизвестно с кем из интернета. Совсем убого звучит. А блефовать мне не привыкать. Я вспоминаю порой те годы, когда мы с подругой звездили в местном клубе. Политика клуба предполагала, что посетитель без единой бирочки Ферре или Версаче за человека не считается вообще. Дизайнерской одежды у нас в ту пору не было, а бирочки были (их можно было купить в магазине за 60 сантимов). Таким образом рукодельные способности моей подруги позволяли нам щеголять в оригинальных Дольче Габбанах и Шанелях. Помнится даже, какой-то крутышка предлагал купить мой костюм-зебра за 300 лат. Себестоимость сего шедевра составляла 15 лат, и я бы не задумываясь продала его прямо на месте, будь мне во что переодеться. Правда после этого о клубе пришлось бы забыть, потому что можно представить себе гнев крутышек, когда рассмотрев при свете лохматые швы псевдо Дольче и Габбаны, они бы сообразили, что либо великие дизайнеры были совсем не в себе, производя на свет это художество, либо, что более вероятно, они вообще не имеют к нему ни малейшего отношения.

Однако вернемся к ангичанину. Он не усомнился в моей честности и согласно закивал головой.

– Милан – отличный город для покупок. Я уверен, назад вы будете возвращаться с огромными сумками.

И он прав. Буду. Только не в этот раз, а через несколько лет, но об этом я пока не знаю. Я предлагаю ему Джек Дэниелс. Он вначале вежливо отказывается, что уже скоро меняет свое решение и с удовольствием заглатывает добрую третью часть бутылки. Неправда, что только русские любят халяву. Ее любят все, но только у русских хватило изобретательности и смелости придумать для этого особое слово. Мы выпиваем за мир во всем мире, и разговор заходит о политике. Мой сосед (как же его зовут?) тоже не поддерживает политику Буша – Блэера. Но на вопрос – а зачем вы такого выбрали- ответа дать не может. Мы расстаемся друзьями. Он пишет мне свой имейл, который я почти сразу же теряю. И так я приближаюсь к финишу. Где же мой приз – Марк? Аэропорт Линате очень маленький. Тут невозможно потеряться, заблудиться, выйти нетуда. Я выхожу в зал ожидания, оглядываюсь по сторонам. Никто не бежит мне навстречу, никто не окликивает меня, никто не смотрит мне в лицо, сравнивая реальность с интернетной картинкой. Так и есть. *Меня никто не встречает!* Ну, чтож, я не пани-

кую. Со мной Джек Дэниелс, он меня согревает изнутри и придает смелости. Не встречает и черт с ним, очень надо! Возьму такси и поеду в отель. Деньги у меня есть, название отеля я помню... Помню ли? Марк просил меня записать, а я решила, что запомню. Ну, и запомнила, конечно. Что-то на У! Смело шагаю к выходу, у которого толпятся таксисты. Пытаюсь объяснить одному из них, что за отель мне нужен. Категорически не понимает. Следующий понимает еще меньше. «Адрес?» кричит он и запикивает в салон другого пассажира. Отлично. Что дальше? В отель я поехать не могу. В аэропорту Марка нет. Или, может быть все-таки есть? Я возвращаюсь назад. Марка не вижу, зато замечаю мою попутчицу из Риги. Она разговаривает с каким-то итальянцем. Судя по всему она приехала к нему. Мои предположения насчет нее оправдались. Я подхожу к ним и объясняю ситуацию. Одновременно чувствую себя полной идиоткой. Итальянец проникается сочувствием и предлагает обзвонить все отели на У и узнать где у меня резервация. На это уходит минут 20, но он таки находит мой отель. Я благодарю их, и мы прощаемся. Ну вот, теперь у меня есть адрес. Таксист-коротышка запикивает мой багаж в машину, я плюхаюсь на сидение рядом с ним. Он очень плохо говорит по английски, но поговорить ему явно хочется. Спрашивает меня, кто я и откуда. Нехотя отвечаю. Он переставая восклицает «сарито» (что значит «понял» или, как говорил тот Леонид «ясенько») и пытается положить мне руку на колено. На мой взгляд он старый и совсем непривлекательный. Я стряхиваю руку и говорю, что у меня есть друг. Это его ничуть не смущает и в конце пути он предлагает мне провести ночь с ним. Мне приходится призвать на помощь силу воли, чтобы отказаться от сего заманчивого предложения. Мой отказ очевидно больно ранит самолюбие низкорослого мачо. Чтобы возместить моральный ущерб он требует за проезд 50 евро. Я вылезая из машины, но мое облегчение мгновенно сменяется новой тревогой. Вблизи нет никакого отеля. Зато есть блошинный рынок, на котором негры бойко торгуют сумками Гуччи. Первое знакомство с Италией с каждой минутой становится все приятнее. Я тащу свой тяжеленный чемодан через рынок, не обращая внимания на оклики. Я устала. Я злая как черт. Я готова убить Марка, если в конце концов его встречу. Отель оказывается сразу за рынком. У него не одна звезда, как я предполагала по месторасположению. Но и не пять, как обещал Марк. Четыре. Я протягиваю рецепционисту свой паспорт.

– Вас уже искали, – улыбается он мне.

Я устало киваю и, получив электронную карту-ключ, отправляюсь в свой номер. Там вполне приемливо. Большая кровать, мебель из цельного дерева, просторная ванна. Я раздеваюсь и достаю из холодильника бутылку шампанского. С Марком или без, я собираюсь получить удовольствие от этой поездки. В сумочке у меня все еще лежит листочек с дюжиной телефонов и адресов. Некоторые из этих итальянцев очень даже ничего.

В пузырьистой ванне с бокалом пузырьистого шампанского я расслабляюсь и думаю, что жизнь все-таки прекрасна. Я в Милане. Я молода, если верить зеркалу, достаточно привлекательна, и в следствии отсутствия Марка – свободна. Что еще надо для счастья? Разве что миллион на личном счету. Помнится в детстве (лет этак в 15) я как все продвинутые девочки моего поколения мечтала выйти замуж за старого миллионера, и чтобы он сразу умер. Желательно не дождавшись брачной ночи. Потом мечты о богатом и ветхом старце отодвинулись на второй план, заслоненные реальностью, в которой мужчины были помоложе и победнее. Они не собирались умирать, впрочем как и жениться на мне. Однако спустя годы судьба все-таки столкнула меня с миллионером. Марк был почти на двадцать лет меня старше, но выглядел он на фото вполне приемливо. Может, и жаль, что он куда-то запропастился.

Стоит мне подумать об этом, как раздается стук в дверь. Я набираю в легкие побольше воздуха и отправляюсь открывать.

– Привет, – сияет с порога Марк, – Наконец-то я тебя нашел!

Не успев толком разглядеть настоящего Марка, я оказываюсь у него в объятиях. Он борочет что-то о том, что видел меня в аэропорту, но не был уверен, что это я, потому что я

с кем-то разговаривала. Я только киваю «да, да». Он на голову выше меня. Темные выющиеся волосы, большие карие глаза. Разве что на фото он был без очков. Впрочем их почти не видно, они модные, без оправы. В целом я нахожу, что Марк хоть и не герой моих девичьих грез, но вполне симпатичный. Марк еще раз обнимает меня, говорит, что я отлично выгляжу, спрашивает, как я добралась. Рассказываю ему про нахального таксиста. «О, ты потратила деньги!» ужасается Марк и мгновенно извлекает из кармана бумажник. «Нет, нет, не надо» вяло отмахиваюсь я, но он уже кладет на столик несколько купюр. «Давай отдохнем немного и пойдем в ресторан обедать» предлагает он. «С удовольствием!» реагирую я. Он уходит, и я остаюсь одна в номере. Подмигиваю своему отражению в зеркале и пересчитываю деньги. Там около 150 долларов. В то время евро и доллар держатся практически на одинаковом уровне, следовательно я получаю сто долларов чистой прибыли. Куплю в дьюти фри подарки для своих.

Я тщательно собираюсь в ресторан. Надеваю брючный костюм леопардового окраса и сапоги на шпильке. Вскоре раздается стук в дверь. Марк делает мне комплимент и, зайдя в номер, пытается приобнять меня. Я мягко отстраняюсь. Тогда он вынимает футляр и протягивает мне. На бархатной подушечке блестит элегантный золотой браслетик с часами.

– Спасибо, очень красивые, – искренне радуюсь я.

– Вот еще для твоей мамы и сестры, – продолжает Марк, взявший на себя роль Деда Мороза.

Я пытаюсь благодарно поцеловать его в щеку, но Дед Мороз подставляет губы, явно не собираясь довольствоваться дружеским поцелуем. Тогда я ограничиваюсь улыбкой и поднимаюсь с кровати. В отельных номерах неприлично большие кровати, они занимают всю комнату. Больше и присесть некуда. Марк нехотя поднимается следом за мной.

– Пойдем ужинать? – спрашиваю я.

Он кивает, и мы спускаемся вниз. Рецепционист насмешливо улыбается, поглядывая на нас. Чтоб ему провалиться!

На улице Марк оглядывается по сторонам.

– Я думаю, мы можем прогуляться, поблизости наверняка есть хороший ресторан.

Ну, да, конечно, я просто в этом уверена. Этакое дорожущее заведение «У блошиного рынка». Однако сразу спорить не хочу и покорно следую за ним.

Высоченный негр кричит, что подарит мне сумку бесплатно. Марка привлекает слово «бесплатно» и он останавливается.

– Не хочешь?

Я строю кислую мину. Вот вам и шоппинг! Если он таким образом собирался меня приодеть, я лучше в своем старом похожу. Оно по крайней мере куплено в хороших магазинах.

Марка удивляет мое нежелание совершенно бесплатно (на халяву) приобрести дряхлую сумочку с буквой Г на боку. В данном случае Г, думается, не имеет отношения к Гуччи, а скорее характеризуют сущность самой сумочки.

Вы идем дальше. Вскоре начинается дождь. Локоны на моей голове постепенно начинают превращаться в мокрые сосульки. Марк замечает, что в Америке дождь не идет так часто. Я предлагаю взять такси. Марк нехотя соглашается. Он просит таксиста довести нас до центра. Через пол часа машина тормозит возле Дуомо. Это знаменитый Миланский готический собор удивительной красоты. Я видела его на фотографиях и потому узною мгновенно даже не смотря на то, что он весь изуродован лесами. На Марка собор не производит впечатления, однако он соглашается сфотографировать меня на центральной площади Милана.

– Здесь точно должны быть рестораны! – радуюсь я.

Марк разговаривает с прохожим, который на ломаном английском советует ему проехать вон в ту сторону на трамвае.

– Поехали?

Тут я скисаю окончательно. Я явно ошибалась в своем представлении о том, каким должен быть миллионер. Мне казалось, что он непременно должен разъезжать на шикарной машине и сорить деньгами. Мне и в голову не приходило, что миллионер может предложить купить сумочку на рынке или проехаться на трамвае. Я ненавижу трамваи лютой ненавистью. Я три года проездила на них в школу и четыре в университет. И все это время меня раздражала толкучка по утрам, неопрятный вид некоторых пассажиров, крики кондукторов и мееееееленное дребежжащее движение этого гениального изобретения человечества. И надо же было случиться такому, что в Милане в компании американского миллионера, одетая в выходной костюм и на шпильках я снова окажусь в *трамвае*. Это что судьба моя, трамвай?

Марк, кажется, не замечает моей перекошенной физиономии.

– Вот этот вроде наш, – радуется он и забирается вовнутрь.

Мне не остается ничего другого, кроме как последовать за ним. Он веселится как ребенок.

– Я никогда еще не ездил на трамвае! Это здорово.

Да, уж *здорово*! Усталые итальянцы с сероватыми лицами смотрят с любопытством на странную пару. Грустная девушка на шпильках и довольный американец. Марка не спутаешь ни с какой другой национальностью. Он именно американец. Его ребяческое выражение лица, его улыбка на два ряда идеальных зубов – все это плоды американской школы, наследие Микки Мауса и доктора Зуса. Черт с ним, пусть радуется. Нашел себе американские горки. Дзынь, дзынь, приехали.

Мы выходим в какой-то глуши. Вокруг современные постройки жилых домов. Такие же коробки, как у нас. Итальянцы выходят из трамвая с сумками продуктов и спешат домой в семью, где их ждут теплые тапочки, телевизор и лазанья. Я понимаю, что они такие же как мы, и мне становится их почему-то жалко. И себя тоже. Мои надежды на светлое будущее с Марком размывает холодный осенний дождь.

– Заблудились, – с опозданием констатирует любитель трамвая.

Я вяло киваю. Я окончательно устала и замерзла. Мне уже ничего не хочется. Так мне и надо, как сказала бы мама, нечего зариться на халяву.

– Поедем назад, – предлагает Марк.

Отлично. Аттракцион продолжается. Туда, сюда, обратно, тебе и мне приятно. Через минут пятнадцать мы снова в центре около Дуомо.

– Давай побродим здесь поищем, – не отчаивается Марк.

– Мне надоело искать. Я устала и замерзла

– О! – он, кажется, только сейчас замечает мое настроение, – что ты предлагаешь?

– Поехать в отель и поесть там.

– Хорошо. Поедем на метро?

– На такси.

Марк хмурится, но спорить не решается. Он бормочет, что такси в Америке гораздо дешевле. Мне хочется заткнуть уши, чтобы его не слышать.

В отеле я сразу отправляюсь в свой номер и, скинув мокрую одежду, забираюсь в ванну. На мраморном бортике еще стоит мой недопитый бокал. Я осушаю его одним глотком. Совместные усилия горячей воды и алкоголя, наконец, оказывают действие. Я согреваюсь, и мое настроение слегка улучшается. Выхожу из ванны, причесываюсь, поправляю макияж и одеваюсь. На сей раз на мне обтягивающие джинсики и майка с большим вырезом. Марк встречает меня комплиментом о очередной попытке обнять и поцеловать. Иш, приткий какой! Это ему не на трамвае кататься! Он уверяет меня, что такого как сегодня больше не повторится.

– Я просто совсем не знаю этот город. А так вообще я очень веселый парень.

Мне почему-то вспоминается древний советский фильм «Веселые ребята». Мы спускаемся в ресторан. Обстановка весьма элегантная. Официант учтиво отодвигает стул и наполняет мой бокал шампанским.

– Что-нибудь еще выпить? – спрашивает он

Я мысленно пересчитываю сколько всего я уже успела выпить за этот день и отказываюсь. Марка радуется, что я не пью.

– Говорят, все русские пьют, – несовсем тактично замечает он.

– Я нет, – хладнокровно вру я. Если бы я верила, что *все* американцы делают то, что показывает в Just for Gags, я бы ни в жизни не встретила бы с Марком.

Нам приносят какое-то навороченное блюдо из море продуктов. У меня создается впечатление, что кто-то его уже ел до меня, потому что на тарелке много пустых раковин и чьих-то оторванных клешней. Однако, я так голодна, что съедаю все съедобное, что осталось на тарелке. Марк тем временем отпивает миниралки и с важным видом начинает:

– Ты мне нравишься. Я хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж.

Мне чудом удается удержать вилку в ослабевших пальцах. Неожиданно, однако.

– Ты совсем меня не знаешь, – защищаюсь я

– Я знаю достаточно. Ты – хороший человек. Ты красивая. Я уверен, мы отлично поладим. Я решил, что мы будем жить во Флориде. Я доработаю еще пару лет, а потом мы купим домик у моря. Вокруг будут пальмы.

Я невольно представила себе этот домик у моря. Может, Марк не так уж и плох? Ну, понравился человеку трамвай, ну что тут такого? Может быть если бы не мои многолетние мытарства, мне бы это тоже показалось занимательным.

– Я не могу так сразу тебе ответить. Я не готова к браку.

– Конечно, я понимаю. У тебя будет еще много времени обдумать это.

Я озадаченно киваю. Остаток ужина проходит под рассказы Марка про Флориду. Я время от времени поддакиваю или восклицаю с энтузиазмом: Oh, really? Потом Марк платит за ужин, и мы воднимаемся на лифте на второй этаж. Он идет за мной до дверей номера и настойчиво пытается войти.

– Спокойной ночи, – улыбаюсь я, закрывая дверь.

– Можно я зайду, всего на минутку?

– На минутку, – мне не хочется, чтобы она заходил, тем более что я отлично знаю, на какую минутку он надеется. Но отказать вроде тоже неудобно, все-таки он платит за номер.

Я прохожу в комнату. Марк обнимает меня и целует. Я отвечаю на поцелуй. Он очевидно воспринимает это как полную мою боевую готовность, и его руки стремительно направляются в совсем недопустимом для первого дня знакомства направлении. Я отпихиваю его.

– Спокойной ночи.

– Еще минутку, – бормочет Марк, усаживаясь на кровать.

Вот нахал! По американским законом я едва достигла того возраста, при котором за подобное распущение рук уже не грозит приличный срок. Так что можно сказать – чистое, наивное дитя. И как он смеет так себя вести!

– Спокойной ночи, – настаиваю я, и Марк наконец-то нехотя ретируется.

– Ты выйдешь за меня? – раздается уже за дверью.

Я падаю на кровать. УФ! Ну, и денек. По телевизору все время идет одна и та же реклама отеля. Лысый мужчина играет в карты с женщиной. Она неочень симпатичная, но по задумке сценариста – этакая сногшибательная фам фаталь. Это я объясняю, чтобы все поняли, в чем суть этого произведения рекламного искусства. Итак, женщина проигрывает и, отчаившись, бросает на стол ключ от своего номера в отеле. Сами понимаете, *что* подразумевается. Лысый ухмыляется и опять выигрывает. Женщина вздыхает и ведет победителя в номер. Физиономия у нее недовольная. Он открывает дверь, заглядывает вовнутрь. Улыбается. Потом заходит

и захлопывает дверь перед носом мадам. Она в гневе! Тут у меня даже возникает мысль – а не специально ли она проиграла? Начинает барабанить в дверь. На что получает табличку «don't disturb». Занавес. Апплодисменты. Логотип отеля и реклама идет заново. И снова и снова. Я постепенно погружаюсь в сон. В голове звенит фраза из песни Марка Энтони (тоже, кстати, Марка): *Would u marry me, marry me, marry me?* Это *marry me* становится все агрессивнее. Оно долбит молотком мне в висок и не дает заснуть.

Воскресенье

Романтика Флорентийских ночей

Marry me, marry me, marry me... Как ни странно вчера мне все-таки удалось заснуть. Как же трещит голова! Наверно именно так чувствовал себя Александр Македонский в своем знаменитом золотом шлеме. Неудивительно, что он умер. Я вылезаю из кровати и плетусь в ванну. В русском языке существует ужасное слово «опохмелиться». Лично я не могу себе представить, как можно пить с утра ту же гадость, от которой уже и так болит голова. Бррр. Накладываю на лицо крем. Звонит Марк и говорит, что готов завтракать. Меньше всего на свете мне хочется есть. Марк не делает мне комплимента утром, из чего я делаю вывод, что выгляжу совсем отвратительно. Эта мысль не улучшает и без того кислое как лимон настроение. За завтраком я съедаю консервированный персик и выпиваю кофе. Марк молчит. Его молчание не тяготит меня. Мне самой не хочется разговаривать. Мысли в голове начисто отсутствуют.

– Соберем чемоданы и поедем на вокзал. Оттуда на поезде во Флоренцию, – докладывает план действий Марк, когда мы допиваем кофе (я- кофе, а он – чай с молоком). Перед отъездом я еще раз смотрю рекламу. Может быть, на сей раз он пустит ее в номер, и они проведут ночь любви? Нет, ролик опять заканчивается как обычно. Я вздыхаю и покидаю номер.

Через пол часа мы оказываемся на вокзале. Я остаюсь караулить вещи, а Марк идет за билетами. Вскоре он возвращается довольный.

– Я взял билеты в первый класс, – хвастается он, – разница со вторым совсем незначительная. Не то что на самолете. Там бизнес класс в два раза дороже. Зачем выбрасывать такие деньги?

Мне не нравятся эти разговоры о деньгах. Если бы у меня их было столько, сколько у Марка, я бы летала только бизнес-классом, плевать сколько, это стоит. Наверно снобизм у меня в крови.

Мы идем вдоль вагонов, разыскивая первый класс. Он оказывается в самом начале поезда. Марк затаскивает чемоданы и плюхается на сидение рядом со мной.

Поезд трогается. Мне хочется спать, потому что всю ночь отравила песня Марка Энтони, но тезка певца, похоже, не настроен на отдых, напротив, он так и брызжет энтузиазмом. Единственная тема, которая, его интересует – это домик во Флориде. Он вдохновенно расписывает мне все блага американской жизни. Его голос доносится до меня откуда-то издалека. Так мне мама рассказывала в детстве сказки. Про дальние страны, принцесс, принцев, которые в конце всегда женятся и мед-пиво пьют. Какая же гадость должно быть мед с пивом! Я засыпаю где-то в сказочной Флориде под пальмой в обнимку с Марком и просыпаюсь только, когда состав отсанавливается на вокзале Флоренции. Марк тащит чемоданы на стоянку такси, я плетусь следом и зеваю. Усатый таксист за 15 минут довозит нас до отеля и еще несколько минут препирается с Марком из-за цены. Таксист не говорит по английски, Марк соответственно по итальянски. Результаты переговоров, похоже, не удовлетворяют ни одну сторону. Мой прижимистый

миллионер вылезает из машины с кислым выражением лица, а усатый извозчик бормочит под нос какие-то итальянские ругательства. Дружба народов forever! Через минут двадцать Марк распахивает передо мной дверь номера. Этот гораздо просторнее предыдущего. Большая кровать, диван, трюмо, кресла... Из окна видна водосточная труба. В целом неплохо. Я собираюсь уже сказать Марку «ну, что до вечера», когда замечаю, что он ставит свои чемоданы в шкаф и снимает ботинки.

– Это что не мой номер? – интересуюсь я

– Наш, – скромно поправляет он, не глядя мне в глаза.

– Но ты же обещал два номера.

– В Милане у нас и было два. А теперь мы уже узнали друг друга. Зачем тратиться на два номера. Отель недешевый.

Еще раз он скажет «зачем тратиться», и я сбегу от него куда подальше. Кажется, тот листок с адресами все еще при мне. Ну, и что мне прикажете делать? Закатить то, что американцы называют royal scandal, или смириться со своей участью?

Я молчу и недовольно морщусь лоб. Терпеть не могу, когда люди не держат данного слова.

Марк между тем, не стесняясь, разоблачается и обматывается полотенцем.

– Ты моя маленькая девочка, – говорит он и, вспомнив какой-то хит 60х, начинает напевать себе под нос «little girl, little girl, is your daddy home». Возможно, люди более образованные в плане музыки, оценили бы по достоинству скрипучий дискант (или баритон, но точно не бас) моего американского друга. Но на меня, человека музыкально неодаренного, исполнения этого шедевра не производит должного впечатления. Скорее наоборот. Меня так и подмывает взять что-нибудь потяжелее и огреть певца по кудрявой голове. Таким образом мы когда-то выключали заедавший магнитофон. Однако я опять молчу, скрипя зубами. Ну, и терпения у меня! Сама удивляюсь.

Из душа доносится little girl, и я включаю телевизор, чтобы заглушить Марка. Мне совсем неуютно в этом номере в чужом городе, вместе с человеком, который с каждой минутой нравится мне все меньше. Может, надо было все-таки пойти ишачить в переводческое бюро «Куб», а не гоняться по всему миру за халявой? Нет, не могу. Мне надо все и сразу. Как в тех же русских сказках – лежал кто-то там на печи 30 лет, потом встал и сразу и царевну и пол царства и Джип БМВ отхватил. Вот так мне и надо. К сожалению, у всякой монетки есть обратная сторона. Обратная сторона Марка мне пока категорически не нравится.

Тем временем тот, кем были заняты мои мысли, вышел из душа и принялся приплясывая и насвистывая все тот же хит, вытирать полотенцем волосы.

– Ты ведешь себя как ребенок, – холодно замечаю я.

Да, я, конечно, знаю, что в каждом мужчине живет ребенок. Но этот ребенок в Марке, на мой взгляд, слишком уж разыгрался.

– Что в этом плохого? – искренне удивляется он, – У нас в Америке все так себя ведут.

Страна детей-олигафренов. Представляю, как президент компании несется вприпрыжку домой, сжимая подмышкой новый самолетик. Хотя поглядишь на их президента – и правда, так оно и есть.

Марк пристраивается рядом со мной на диване и делает попытку меня обнять.

– Я проголодалась. Может быть, пойдём пообедаем?

Не успеваю я закончить фразу, как мне вспоминается вчерашний вечер. Изнуряющие, бесплодные поиски ресторана.

– Только давай спросим в отеле, где находятся хорошие рестораны.

– Хорошо, – соглашается Марк, и пытается меня поцеловать.

Я не настроена на романтику, в моих ушах еще не отгремели последние отзвуки little girl. Потому я осторожно отодвигаюсь и отправляюсь в ванну.

Через пол часа мы бредем по узкой улице Флоренции. Рецепционист начертил нам на карте дорогу до центра города. Там, как он нас заверил, есть рестораны.

Я стараюсь разобраться в лабиринте улочек, Марк бредет следом и снимает на камеру мою спину и попу. Увлекательное кино получится. Можно озаглавить – «Моя задница во Флоренции» (произносится гнусавым голосом переводчика американских триллеров). Мужчины на улицах обращают на меня внимание и *не* обращают внимания на плетущегося за мной папарацци. Я стараюсь отводить взгляд, чтобы не провоцировать горячих парней на знакомство. Хотя было бы забавно, Марк бы заснял диалог на пленку. Мои усилия, наконец, венчаются успехом. Мы выходим на piazza del Duomo. Еще один Дуомо. Тоже очень красивый. Марк активно щелкает фотоаппаратом. Я пытаюсь изобразить довольное лицо и забыть на мгновение все, что меня раздражает. Вскоре Марк обнаруживает маленький ресторан trattoria, и предлагает зайти. Мы размещаемся за крошечным столиком и изучаем меню, которое одновременно служит скатертью.

– Будешь спагетти? – предлагает мой кавалер

Собственно говоря, кроме спагетти в меню больше ничего нет. Зато паста блещет разнообразием. Я выбираю с креветками. Марк – с грибами.

– Что будете пить? – интересуется официант

– Вино, – мгновенно реагирую я, – Красное.

Официант приносит бутылку вина и неочень аккуратно водружает на стол.

– Нам не надо бутылку, – пугается Марк, – двух бокалов будет достаточно.

Будь Марк героем моих девичьих грез, мне было бы достаточно и стакана сока. Но проведение ночи наедине с заморской певчей птичкой требует более серьезной подготовки.

– Оставьте бутылку, – улыбаюсь я в лицо Марку.

– Ты же вообще не пьешь!

Тут мне вспоминается эпизод из «Кавказской пленницы»: Да, что тут пить!

Марк хмурится. Но мне наплевать. Я жду, пока он наполнит бокалы.

– Чин-чин!

– Выпьем за встречу, – поправляю я.

Марк удивлен. Он не понимает, как можно пить *за* что-то. Однако на сей раз не возражает и выпивает свой бокал молча.

Наконец, нам приносят спагетти. В длинных макаронных проводах как будто случайно запутались три креветки. Вид у них весьма жалкий. Я даже сначала не решаюсь их есть, но голод оказывается сильнее. Периодически прошу Марка наполнить мой бокал, он хмурится с такой же периодичностью. Когда он недоволен у него на лбу явно проступают морщины, в которых отпечатался каждый год его жизни, и он не выглядит ни на день моложе своих 38. По мере убывания вина в бутылке, эти морщины становятся менее заметны, и Марк в целом заметно хорошеет. Я прошу его рассказать о себе. Он мямлит что-то про свои четыре образования.

– Нет, – возражаю я, – про личную жизнь.

– Про личную жизнь и рассказывать нечего, – отпирается он, – У меня было очень мало отношений.

– Но были же! – настаиваю я. Не девственник же он в свои 38! Или все-таки...

– Были, – успокаивает меня Марк, заглатывая длинную макаронину.

Ладно, не хочешь, как хочешь. Я завожу канитель про свою трагическую раннюю молодость.

– Aha, you had a broken heart, – замечает Марк, когда я замолкаю, чтобы глотнуть вина.

Broken heart. Разбитое сердце. Нет, мой американский друг, ничего же ты не понял. Не только сердце, я вся тогда превратилась в тысячу крошечных осколков. И сколько усилий потребовалось, чтобы снова склеить эти осколки воедино. Впрочем, как может Марк постичь

всю глубину моих тогдашних переживаний. Он сам рассказывал мне, что никогда по-настоящему не любил. Мне грустно от того, что он не понял меня. Я молча допиваю вино.

Марк платит по счету, и мы выходим из ресторана. Я немного пьяна, и мне нравятся пестрые толпы народу на улицах и неприкрытое внимание мужчин.

– Они смотрят на тебя! – возмущается Марк, шагающий рядом.

Я пожимаю плечами: «ну, и что?» Посреди тротуара загорелый мужчина целует девушку. Он держит ее за талию и, не прерывая поцелуя, провожает меня глазами. Мне становится смешно, и я смеюсь. На деревянном заборе красная надпись «Буш, прекрати бомбить Ирак!» В витрине магазина продавщица снимает с манекена белье, чтобы поменять. Прямо в стекло торчит голая пластмассовая грудь. На площади пожилая пара кормит голубей. Напротив неприметного облупившегося дома столпились японцы и шелкают фотоаппаратами.

Марк останавливается на углу какой-то улицы, чтобы спросить у прохожей итальянки, как добраться до нашего отеля. Я тем временем разглядываю темноволосого мальчика на мотоцикле. Он подмигивает мне. Я развожу руками и указываю взглядом на Марка. Итальянец смеется, надевает шлем, и его мотоцикл срывается с места. Марк подходит ко мне.

– Ты видела, как она на меня смотрела? – светится он

– Кто?

– Девушка, которая объясняла мне дорогу.

– Как?

– С интересом. Мне кажется, я ей понравился.

– А она тебе?

– Что?

– Она тебе понравилась? Может, я лишняя?

– Нет, что ты. Просто все мужчины обращают на тебя внимание, а эта девушка обратила на меня.

– Все равно счет неровный. 1: 100 в мою пользу, – парирую я.

– Ты права, ты права.

И вот мы в номере. Я скидываю сапоги и разваливаюсь на диване. Марк роется в своих вещах.

– Слушай, у меня есть одни пижамные штаны. Может быть, они тебе подойдут?

Я удивленно вскидываю бровь.

– Ты мне в подарок привез?

– Нет, мне одна девушка подарила. Но мне красные штаны ни к чему.

Я медленно сползаю с дивана.

– А мне что прикажешь с ними делать?

– Носить. Мне кажется, они женские.

Марк вытягивает из чемодана атласные кальсоны размера пятидесятого. Представляю, что подумают мои родные, если я вернусь домой с таким презентом. Да, Марк, что называется, угодил. В самую точку. О чем еще может мечтать женщина кроме как о красных безразмерных широварах, к тому же мужских, к тому же не новых, к тому же подаренных другой женщиной! Марк принял мое замешательство за немой восторг.

– Ты можешь в них спать.

– А можно, я буду ходить с твоих трусах и бриться твоей бритвой? – наконец, обретаю дар речи я.

– Зачем? – искренне удивляется Марк.

К этому времени он разделся до трусов, и я мысленно отмечаю, что в этих трусах я ходить не стала бы, будь я трижды мужчиной. Трусы, что называется, семейные (подразумевается семья, в которой муж валяется на диване, смотрит футбол с пивом и время от времени ударяет сухой соленой рыбиной по столу. Секса в этой семье нет и никогда не было). Однако, мама

учила меня, что главное в мужчине это не его нижнее белье и даже не то, что под ним, а *мозг*! Потому, вспомнив, его четыре образования, простим Марку трусы.

Тем временем мозговитый носитель несексуального белья устраивается рядом со мной на диване и включает телевизор. По какому-то каналу идет шоу Дэвида Копперфильда. Он закручивает женщину в простыню и машет руками.

– Красивая женщина, – делится впечатлением Марк.

Ох, ведь наблюдательный. Мне он перестал делать комплименты, решив, очевидно, что первого дня было достаточно. Программа загрузилась, зачем заново перегружать, может и зависнуть! К тому же он подарил мне свои кальсоны! Каких еще доказательств любви может требовать женщина?

К очевидному разочарованию Марка знаменитый волшебник не разделяет его мнения по поводу внешности помощницы, и потому уже через секунду красавица исчезает вместе с простыней. Марк отрывается от телеэкрана и переключается на меня, решив довольствоваться чем осталось. Меня его поведение возмущает. Неужели он думает, что я готова отдаться за красные пижамные штаны! Как пели гардемарины «была бы честь, была бы честь», а без красных ползунков прожить можно. Потому я борюсь с Марком, но он проявляет настойчивость. Очевидно, девушка в простыне пробудила в нем дремавшие десятилетиями инстинкты. Я отталкиваю его и вскакиваю с дивана.

– За кого ты меня принимаешь?

Согласна, ужасно замшелая фраза. Сколько Марий-Кончит произносили эти пафосные слова своими намаженными губами в ухо неприятельному зрителю. Сколько Хосе-Фернандесов покаянно опускали буйны головы, услышав их. Однако на первых порах знакомства проверенные мыльные методы дают небывалые результаты.

Как я и предполагала, Марк, подобно своим мексиканским собратьям, мгновенно устыжается. На всякий случай я изображаю полное смятение и даже выпускаю две скудные слезинки. Марк суетится вокруг меня.

– Я больше не буду, обещаю, – бубнит он, – Только после свадьбы.

Я молчу. Я оскорблена в своих лучших чувствах. Теперь Марку придется вымалывать прощение. Очень полезно обратить ситуацию так, чтобы мужчина чувствовал себя виноватым. Им тогда гораздо легче манипулировать. Рядом с Марком мне предстоит прожить еще 3 дня. Так что пусть лучше тяготится бременем вины.

Итак, эта самая вина заставляет моего толстосума раскошелиться на такси, и мы едем в центр как белые люди. В центре мы собираемся пойти в ночной клуб (угадаете, чья была идея, и почему кто-то другой бесприкословно согласился). Однако, идея посещения ночного клуба – это утопия. Во-первых, сейчас еще только 10, во-вторых, понедельник. Я скисаю окончательно. Мы бродим вокруг Дуомо. Мне как на зло после выпитого вина начинает хотеться в туалет. Марк бормочет что-то о том, что он меня любит.

– Кто тебя содержит, родители?

Я молча киваю. Я, конечно, и сама немного подрабатываю, но ни на что кроме новых дорогих ботиночек этого не хватает.

– Теперь я буду тебя содержать! – гордо провозглашает Марк. Белоснежные стены собора содрагаются. В небе сверкает молния. Как мне пережить второе за этот день потрясение?!

Марк ожидает, что я буду челом о землю бить и кричать «благодетель ты мой!» Но я молча шагаю дальше.

– О! Мороженое! – неожиданно восклицает благодетель. И с детским восторгом на физиономии устремляется вперед. Я нехотя следую за ним.

– Тебе какое?

– Спасибо, не хочу.

После спагетти еще не хватало мороженого налопаться. Если я буду продолжать в моем духе моя фигура вскоре расплывется во все стороны под стать американскому стандарту.

– В Италии лучшее в мире мороженое, – проявляет недюжие познания Марк, отправляя в рот ложечку химически розового мороженого.

Он кажется абсолютно счастливым.

– Ты подумала над моим предложением? – он хватается за руку и заглядывает в глаза.

На этот вопрос можно было ответить по-разному. Как вообще принято реагировать на предложения руки и сердца (а так же красных кальсонов и полного содержания)? В фильмах героини рыдают, смеются, прыгают от радости, бросаются на шею жениху. Однако я никогда не была сторонницей клише.

– Я хочу в туалет.

Марк выпускает мою руку из своих ладоней и возвращается к мороженому. Он толи обижен, толи просто озадачен вопросом поиска туалета. Мы делаем круг и опять проходим мимо мороженой лавки.

– Excuse me, is there a bathroom? – спрашивает Марк продавщицу.

Американцы редко говорят toilet, это вроде как некультурно. Хотя на фоне их юмора и фильмов, где наиболее часто повторяющееся слово – задница, такое ханжество выглядит нелепо. Продавщица мороженого, похоже, придерживается того же мнения. Слово bathroom она понимает прямо – ванна. Зачем человеку мыться в магазине посреди города? – именно эта мысль отражается на ее лице, когда она отрицательно мотает головой.

Мы плетемся дальше. Марк уже доел свое самое лучшее в мире мороженое и теперь держит в руках пустой стаканчик толи в поисках мусорника, толи решив сохранить на память.

– Давай зайдем в кафе, – предлагаю я.

Марк соглашается, и таким образом проблема туалета решается. На моих часах десять. Спать не хочется, но бестолково бродить вокруг Дуомо тоже особого желания нет.

– Поедем в отель? – без энтузиазма предлагаю я.

– Может, лучше прогуляемся?

Ну, да, лишние евро за такси... Зачем тратится? Спорить у меня сил нет, и я соглашаюсь. Мы бредем по узким улицам Флоренции. Вообще надо отдать должное – это очень красивый город. При других обстоятельствах и в другой компании я бы получила от подобной прогулки гораздо большее удовольствие. Местное мужское население все еще обращает на меня внимание, но Марка это вроде уже не беспокоит.

На одной из улиц по дороге к отелю, на глаза попадает вывеска ночного клуба. Изнутри звучит музыка.

– Ты хотела в клуб, – напоминает Марк, – Зайдем?

Это, конечно, не то, что я хотела. Но для общего образования помему бы и нет. Кассир что-то говорит Марку, и тот просто расцветает от радости. Когда мы спускаемся в зал, он объясняет мне причину веселья.

– Представляешь, нас пропустили бесплатно! Он сказал, что ты очень красивая, и мы можем зайти бесплатно! Бесплатно, представляешь!

Похоже, что такого счастья Марк не испытывал с тех пор, как получил свой четвертый диплом. Я натянута улыбаюсь. Какой женщине приятно, когда на ней все время пытаются сыкономить? Тем более человек, у которого явно есть деньги и немало.

– Что ты будешь пить?

Честно говоря, пить мне не хочется, но я заказываю Марку бокал красного вина. Вино оказывается горьким, и я с трудом делаю пару глотков. Марк тем временем налегает на гиганскую кружку пива. Клуб оказывается довольно скромным. Публика – в основном среднего класса молодежь. Музыка – смесь современной попсы. Я оставляю довольного Марка и отправляюсь в туалет поправить макияж. Там моему взору представляется характерная сцена – пол-

ная японка (или китайка или корейка, на мой взгляд они все на одно лицо) барабанит в дверь кабинки с криком «Эй, как ты? Отзовись!» Подруга не отзывается, зато громко отзывается ее желудок, не перенесший свего выпитого. Я подкрашиваю губы и выхожу. В туалете продолжается диалог пухлой азиатки с желудком ее подруги. Везде одно и то же, – мрачно констатирую я.

– Пойдем танцевать, – приглашает Марк, успевший, пока меня не было, уполовинить свою кружку-великана.

– Нет, я не хочу, – я усаживаюсь на диван и через силу отпиваю вина.

Мой спутник между тем доказывает, что он не только певец, но еще и танцор. Он грациозно переваливается с ноги на ногу в такт музыке и размахивает руками в разные стороны. Я отворачиваюсь в надежде, что никто не догадается, что этот весельчак со мной. Слава Богу, мы не в рижском клубе, где меня, как говорится, каждая собака знает. Наконец, он утомляется. Мы выходим из клуба на свежий воздух. После выпитого ведра пива Марк едва стоит на ногах.

– Ты точно помнишь дорогу в отель? – беспокоится он.

– Точно.

У меня неплохая зрительная память. Если я уже раз прошла по дороге, ни за что не заблужусь. Однако, Марк, похоже, мне не очень доверяет, и потому через каждые двадцать шагов он начинает ныть «я не помню этот дом, мы заблудились».

– Так, – выхожу из себя я, – Давай сделаем так – если через двадцать минут мы не выйдем к отелю, можешь говорить и делать, что хочешь, а пока помолчи.

Марк еле тащится следом. Мне приходится взять его за руку и тянуть за собой. Через пятнадцать минут мы подходим к отелю. Марк останавливается у банкомата и снимает деньги. Сто-пятьдесят евро протягивает мне.

– Зачем? – удивляюсь я. Я уж и запомнила, что он обещал меня содержать.

– Пригодятся, – резонно замечает Марк.

Ладно, не буду строить из себя принципиальную идиотку. Однажды на вопрос «что тебе подарить?», я ответила «ничего не надо, мне достаточно чудесных воспоминаний». Воспоминания у меня действительно остались вместе с корешком билета Рига-Ларнака и парой открыток. Впрочем, это длинная история, та самая, с которой начались мои заграничные поездки подобного характера. Возможно, когда-нибудь я ее вам расскажу. Сейчас мои мысли далеко от солнечного Кипра. Мне предстоит ночь с Марком. А это вам не шутки!

Мы поднимаемся в номер, по очереди принимаем душ. Я ложусь в постель в халате, покрепче завязав пояс. Марк – все в тех же неэстетичных трусах.

– Спокойной ночи, – говорю я и отворачиваюсь.

– А поцелуй перед сном?

Так, начинается. Хоть бы раз какой-нибудь гениальный мужчина изобрел другую форму склонения женщины к интиму. Поцелуй перед сном, дружеский массаж (только лифчик сними, он мешает), я просто тебя обниму... это все так и не изменилось со времен мамонтов.

Марк целует меня. Поцелуй похож больше не на «перед сном», а на перед чем-то другим. К тому же его руки опять отправляются в поход по неизведанным территориям.

– Перестань! – отталкиваю его я.

Я устала, от выпитого вина у меня трещит голова, и мне совершенно не хочется, чтобы Марк мусолил меня в объятиях.

– Ладно, спокойной ночи, – он претворяется, что сдался.

На самом деле он обнимает меня и начинает икать мне в ухо. Я выдерживаю две минуты, потом возмущаюсь.

– Перестань икать!

– Я не икаю, – говорит Марк и икает.

Огромная кружища пива не дает забыть о себе.

– Я не могу так спать. Откатись на другой бок.

Марк нехотя отползает на свою часть кровати, и оттуда доносится приглушенная икота. Я слишком устала и вскоре засыпаю. Ровно через пол часа я проснусь и продолжу борьбу с Марком. Но я не Штирлец, и предсказать подобного не в состоянии, потому засыпаю с приятной мыслью, что мне удалось таки отстоять свою девичью честь.

Пенедельник

День, как и полагается, тяжелый

Около часу ночи (может раньше, может, позже, на часы я не смотрю) меня будят любознательные руки Марка. Я выжидаю минуту в надежде, что он поймет, что я не реагирую и отстанет. Но не тут-то было. Если с таким же рвением Марк изучал книжки в библиотеке, я не удивляюсь, что у него четыре высших образования. Я просыпаюсь окончательно и начинаю отбиваться. Марк убирает руки, но стоит мне отвернуться, все начинается сначала. Его настойчивости можно позавидовать. Однако и мы не лыком шиты. Мысленно скандируя «врагу не сдается наш гордый варяг», я скатываюсь с кровати и отправляюсь спать на диван.

Марк отправляется следом.

– Вернись, я больше не буду, – хнычет он.

– Будешь. Я тебе больше не верю.

– Тогда я буду спать на полу!

– Хоть на коврике в ванной.

Я укрываюсь одеялом с головой, красноречиво демонстрируя, что диалог закончен. Марк еще некоторое время сопит рядом, потом удаляется. Я проваливаюсь в сон.

Утро я встречаю на диване. Все тело ломит, голова гудит. Я чувствую себя так, словно меня всю ночь били. Может, правда..? Поднимаю голову. Марк похрапывает, развалившись посреди кровати. Я подхожу к нему и трогаю за плечо.

– На полу спишь, да?

Мой предупредительный кавалер вздрагивает и открывает глаза.

– Да, я спал на полу, – бормочет он голосом ребенка-олигафрена.

– А потом ветром снесло на кровать. Бывает, – язвлю я и отправляюсь в ванну.

Через пол часа мы спускаемся к завтраку. Смотреть мне на него не хочется. Я уже решила для себя, что замуж я за Марка не выйду однозначно.

В ресторане я набираю в тарелку консервированных фруктов. Аппетита нет совсем. Тем более что Марк напротив меня ест вареное яйцо, запаха которого я не выношу.

– Сегодня мы едем в Рим, – сообщает он мне.

Опять чемоданы, такси, поезд. . . Несколько часов в дороге. Какой же все-таки гениальной идеей было объехать Италию за 5 дней! Пол дня в Милане – 4 часа в дороге, ночь во Флоренции еще четыре часа в пути. Полное впечатление о местных поездках и таксистах!

Я допиваю несладкий кофе.

– Надо оставить чаевые или нет, – размышляет между тем Марк.

– Не надо, – отрезаю я. Какие чаевые за завтраком в отеле?

– Или надо? Наверно, все-таки надо. А сколько? Вот так будет мало или много? Надо же все-таки оставить чаевые.

Мне вспомнилась строчка из песни «All Gods please help me not to fall again, «cause I'm gonna take it no more...» Действительно мне понадобится помощь сверхъестественных сил, чтобы выдержать Марка еще два дня.

В лифте Марк продолжает рассуждать про необходимость оставлять чаевые. Я мрачно молчу. Единственный плюс этой поездки – за прошедшие дни я уже заметно похудела. В брюки, которые раньше давили на талию, теперь можно засунуть еще половину меня.

Следующие часы уходят на упаковку чемоданов, check out и дорогу от отеля до вокзала. Марк оставляет меня у какого-то киоска, а сам отправляется за билетами. Я зеваю, глядя по сторонам. Откуда не возьмись ко мне подлетает пожилая цыганка и начинает быстро что-то тараторить. Из этой словестной неразберихи понятным для меня оказывается только слово bella – красивая. Я, как все здравомыслящие люди, опасаясь таких цыганок и стараюсь держаться подальше. Мне известны случаи, когда люди под гипнозом отдавали кошельки, ключи от квартиры, где деньги лежат и номера счетов в швейцарском банке. Под напором «бэлла донна, тра-та-та» я начинаю отступать. Марк машет мне руками из очереди, чтобы я не отходила от чемоданов. Легко сказать! «Non capisco» отбиваюсь я от навязчивой цыганки, призвав на помощь все свои филологические познания. Однако и она не сдается. Что там каписко, тут и ежику понятно – деньги давай, деньги давай! «Денег нет!» отчаившись, говорю я по-русски, подталкивая чемоданы ближе к себе. Марк не переживет потери всех своих семеек. Он ведь честно трудился долгие годы, чтобы заработать на них. Цыганка неожиданно понимает меня и исчезает куда-то. Я вздыхаю с облегчением. Ко мне подбегает запыхавшийся Марк.

– Все ОК? – его глаза ошалело пересчитывают чемоданы.

Я киваю.

– Я очень спешил и взял билеты во второй класс. Это ужасно. Может быть, мне удастся поменять их...

Он смотрит на меня, ожидая, что я начну его отговаривать – мол, времени уже мало, не успеем, да, в общем-то, и так нормально. Но я молчу. Марк тоже молчит. Потом говорит:

– Времени уже мало осталось. Не успею наверно. Да, вообще-то там тоже нормально.

Ну, что тут скажешь! Мы забираемся в вагон. Я усаживаюсь у окошка и зеваю. Хочется закрыть глаза и оказаться дома.

– Тебе непременно понравится во Флориде. Там пальмы и океан. Я жил там одно время, когда учился в колледже. Вот это было время! – Марк мечтательно причмокивает.

Опять завел свою шарманку. С другой стороны, это гораздо лучше, чем little girl.

– У нас будет двухэтажный дом с бассейном и обязательно с джакузи. Ты когда-нибудь занималась сексом в джакузи?

Он неожиданности этого вопроса я даже просыпаюсь. Может, сказать, что вообще еще нигде не занималась? Нет, поздно, не надо было раньше рассказывать историй про свое многострадальное прошлое. Теперь он мне вряд ли поверит.

В соседнем купе как раз напротив нас сидит темнокожий пассажир в шерстяной шапке и широченных штанах. Где-то в глубинах его штанин раздается писк мобильного. Этот цивилизованный гражданин Италии поднимается со своего места, обыденным жестом расстегивает брюки и спускает их почти до колен. Я слегка ошарашенно наблюдаю за ним, силясь узреть смысл этого не совсем уместного поступка. Загорелый с легкостью извлекает из приспущенных штанов телефон и отвечает на звонок. Оригинально, оригинально. Марк прослеживает мой взгляд и упирается глазами в обтягивающие трусы темнокожего пассажира. Надо отдать должное трусам – они гораздо более привлекательны, чем фригидные Марковы полушортики. Марк замолкает, и остаток дороги мы проводим в тишине.

По прибытию возникают очередные пререкания с таксистом, который за 10 минут езды требует с Марка 50 евро. Марк хнычет как дитя, и в конце концов, нахальный водила оставляет нас в покое и отъезжает, бормоча под нос что-то непонятное, но явно нелицеприятное. В Римском отеле у нас опять один номер с одной кроватью и *без дивана*. Марк решил уже не полагаться на удачу, а действовать наверняка, не оставляя мне ни единого шанса. Мы по очереди принимаем душ и отдыхаем минут сорок после дороги. Потом возникает логичный вопрос –

чем заняться. Марк проявляет инициативу, вспомнив наверно о том, что он все-таки «очень веселый парень», и бежит вниз навести справки. Минут через тридцать он возвращается очень довольный.

– Она сказала «вы и ваша жена» представляешь! Вы и ваша жена...

– Ну, и что? – опять я не разделяю его оптимизма.

– Вы и ваша жена... А знаешь, мне нравится, как это звучит.

– Это все, что тебе сказали?

– Нет, она сказала, у них есть отличная экскурсия по ночному Риму. Называется Romantic Rome. Романтический ужин при свечах включен.

Вот дался же всем иностранцам этот *романтический ужин при свечах!* До встречи с Марком через мой компьютер прошли тысячи писем от иностранных кавалеров, и каждый считал своим долгом упомянуть этот романтический ужин как венец идеальных отношений. И непременно атрибут – свечи. Ну, что ж поглядим, что это есть на самом деле.

– Отлично, – соглашаюсь я с Марком.

Мы собираемся. Он надевает брюки и голубую рубашку Ральф Лоран, а я платье из золотистого джинса. В целом смотримся мы вместе не так плохо, по крайней мере до того момента, как Марк достает из кармана пачку жвачки и, вытащив одну, начинает жевать сгромким причавкиванием. Если до этого я вполне терпимо относилась к этому тянучему изобретению человечества, то теперь, глядя на Марка, начинаю сомневаться. Мне вспоминается письмо Деду Морозу, которое я писала в детстве, прибывая еще в наивной уверенности, что он существует. В то время жвачка была дефицитом и, чтобы получить заветную резинку, приходилось сочинять письмо в Лапландию. Я долго сидела над листком бумаги, мучимая недетскими сомнениями: какая же буква идет после Ж – И или Е. В конце концов, на ум пришел единственный правильный вариант – *жувачка!* Не помню, принес ли мне Дедушка Мороз эту *жу*, наверно нет, он не любил безграмотных детей.

Итак, мы с Марком спускаемся в лобби. Приятная девушка за стойкой сообщает, что автобус нас уже ждет. Я усаживаюсь у окна, Марк рядом. Народу немного, несколько пожилых пар и молодой испанец с девушкой. Романтический автобус трогается с места. Маленькая темная итальяночка начинает экскурсию. Она говорит сначала на итальянском (наверно для водителя, потому что больше итальянцев в группе нет), потом на испанском, и, в конце концов, на английском. Пока очередь доходит до понятного нам языка, все места, о которых идет речь, автобус благополучно успеваешь миновать. Однако, я вспоминаю бабушкины инструкции и усердно всматриваюсь в окно.

– Вот это знаменитый Форум Цезаря, – восклицает гид, указывая на две сероватые колонны и три валуна.

Красивый форум.

– Храм Беллона!

Три колонны. О, ну, тут уже есть, на что посмотреть.

– Римский Форум!

Площадка, а на ней много много белых камушков, одна колонны и по стенки. Тот, кто назвал Рим вечным городом, явно давно здесь не был. Наконец, мы приближаемся к знаменитейшему Коллизею. Марк вытягивает шею, чтобы лучше разглядеть.

– О, – разочарованно тянет он, – В фильме «Терминатор» он совсем не такой!

Что-то не помню, чтобы шварцнегеровский монстр из знаменитого триллера крошил людей на фоне Коллизея.

– Терминатор?

– Ну, там где мужик зверей рубил и умер в конце.

До меня доходит, что знаток кино перепутал похожие названия, которые на его взгляд не имели принципиальной разницы. Что «Терминатор», что «Гладиатор»...

Марк чувствует, что его обманули, и окончательно теряет интерес к экскурсии. Минут через пять он засыпает и наваливается на меня всем своим весом. Я все еще пытаюсь улавливать обрывки информации, но храп моего спутника делает это затруднительным. Я время от времени пихаю его в бок, но этот метод не оказывает должного действия. Через пол часа автобус останавливается.

– Сейчас мы пройдемся к фонтану Треви, – сообщает гид без особого энтузиазма, потому что на улице дождь.

Романтики нехотя вываливаются из автобуса и следуют за ней. Марк окончательно просыпается под дождевыми каплями.

– Ты знаешь, в Америке..., – начинает он.

– Знаю!

Мы идем молча. На улице какой-то азиат неожиданно вручает мне завявшую розу. Я машинально принимаю подарок.

– Рау!1 – радуется торгаш.

– Тебе нужна эта роза? – вежливо интересуется Марк, – Если нужна, я куплю.

Нифига себе кавалер! Зря я его за скупость ругала.

– Нет, не надо, – я возвращаю труп цветка обиженному приставале. Он еще некоторое время идет за нами следом и ноет, видно, почуяв в Марке слабину.

После Треви, который оказывается достаточно красивым, как все итальянские скульптуры, неслишком изуродованные временем, нас отвозят на площадь Навона.

– Когда уже в ресторан? – ноет Марк

Он не понимает, зачем люди разглядывают каменные статуи голых мужчин.

– Ну, и задницы! – единственная похвала, которой удостоиваются всемирно известные фонтаны. Впрочем, зная американцев, о чем можно еще мечтать.

Итак, в конец измученных и промокших романтиков, грузят в автобус и везут кормить. Сейчас мы узнает, что такое этот присловутый *ужин при свечах!*

Итальянский ресторан. Пять столов сдвинуто вместе. Дамы садятся с одной стороны, кавалеры с другой. Две пожилые американки усаживаются друг напротив друга. Я оказываюсь на расстоянии трех вытянутых рук от Марка. Рядом со мной испанка удивленно хлопает глазами.

– Я надеюсь, нам принесут меню, – ворчит Марк.

Вместо меню приходит мужичок с фотоаппаратом и начинает всех активно щелкать. Меня рядом с испанкой, Марка возле лысого англичанина. Так сказать память о наиромантичнейшем вечере. Следом за фотографом приходит официант и, совершенно не интересуясь пожеланиями клиенток, выставляет на стол бутылки вина. Две белого и две красного. Вскоре рядом с бутылками появляются тарелки со спагетти и мясом. Каждому по одной.

Мне почему-то вспоминаются школьные обеды. Я была в пятом классе, и обедать в школе тогда было обязательно-принудительно. Каждому ученику выдавался талон с номером класса. У меня был 5Б. Перед обедом мы старались пораньше убрать учебники в портфель и, едва дождавшись звонка, вылететь из класса. Спешить надо было по той простой причине, что ступеньки обычно хватало только двум третям учащихся. А есть стоя никто не хотел. Вот и начиналась борьба за выживание. Мы неслись сломя голову, хватали колченогую табуретку – столь ценную добычу – и усаживались за свой стол. Дальше было еще одно важное правило выживания. Во время еды ни в коем случае нельзя было вставать. Пока ты тянешься за куском хлеба, твою табуретку могли свиснуть. Позднее мы начали питаться в школьном кафе. Но так было не намного легче. Приходилось нечеловеческими усилиями протаранивать толпу страждущих и потом, отхватив свой сок и горячее, нести трофей так высоко, чтобы голодные не пооткусывали сосиску и не растащили катрофель фри. Это удавалось немногим. Зато самые ловкие лакомились нахаляву.

От воспоминаний меня отрывает плаксивый голос Марка. Он жалуется, что не ест мяса. Вегетарианец. Я в свою очередь не ем такие макароны, но на все это местному повару, как и школьным кашеварам моей юности, было глубоко наплевать. Все было бы ничего, если бы нам дали поесть в тишине. Но организаторы поездки явно не считали поедание макарон в тишине достаточно романтичным. И потому перед нами предстала весьма экстравагантная пара. Японка и толстый лысый итальянец. И они запели. Оперу. Громко. Совершенно неожиданно. Марк и его сосед синхронно роняют вилки и вздрагивают. На лице моего американца отражается такой неподдельный ужас, как будто Терминатор в очередной раз восстал из пыли и грозит захватить Америку и превратить людей в плесень. Я не выдерживаю и начинаю хохотать.

- Перестань смеяться. Это некрасиво, – шипит на меня Марк, немного прийдя в себя.
- Не могу, – я продолжаю содрагаться от смеха.

Лысый солист останавливается у меня за спиной (в отместку за мой смех) и поет во весь свой недюжий голосище. Я морщусь и втискиваю голову в плечи.

Когда же закончится этот самый романтичный вечер в моей жизни?

Вечер все-таки заканчивается. Нас отвозят в отель и мы плетемся в номер. Я устала от пережитого и мне очень хочется спать. Марк предпринимает очередную попытку «познакомиться поближе». Я выпила вина, и потому становлюсь сентиментальной.

- Ты знаешь, в школе меня выгнали из КВНа, – признаюсь ему я, давась слезами.
 - Откуда? – не понимает Марк.
 - Из КВНа, – хнычу я
 - Не расстаривайся, – успокаивает меня он, – У всех бывает. Не плачь, не плачь.
- Он твердит это «не плачь» и вдруг сам начинает плакать.
- Я люблю тебя.

От неожиданности я замолкаю. Это третий день нашего знакомства. И уже признание в любви. Рекорд, однако! Не знала, что на старый трюк с КВНом еще кто-то может купиться. Я поворачиваюсь на бок и хихикаю в подушку, ощущая себя роковой женщиной. Марк считает, что я все еще плачу, и потому делает безуспешные попытки меня успокоить. Я засыпаю с улыбкой на губах, и Марк стесняется повторять свои ночные приставания.

Вторник

Прощай, любить не обязуешься!

Я пробуждаюсь в отличном настроении. Сегодня мы с Марком расстаемся. Я вернусь в свою крепость, буду снова смотреться в свое любимое зеркало в ванной и спать одна!! Марк еще посапывает на подушке. Он всегда просыпается позже меня. Я разглядываю его смуглое лицо. Мне кажется, что в профиль он похож на усталую черепашку.

- Эй, привет! – толкаю я его.
- Черепашка бомочет что-то, переворачивается и превращается в Марка.
- Доброе утро, – говорит он глупым голосом.
- С утра у некоторых мужчин очень глупый голос. Это раздражает.
- Иди сюда, – тянет Марк.
- Нет, с таким голосом у него нет ни единого шанса.
- Вставай, а то пропустим завтрак.

Мысль о халявном завтраке так и подкидывает миллионера с кровати.

Через пол часа мы в ресторане. Марк опять ест яйцо. Я пью кофе с булочкой.

– Я не говорил тебе, мой брат сейчас в Италии. Он хочет познакомиться с тобой, – оповещает меня Марк, запихивая в рот вареный белок.

– Почему нет? Только я сегодня улетаю, ты же знаешь.

– Ничего успеем. Мы пообедаем все вместе.

– Хорошо, – легко соглашаюсь я. Мне интересно посмотреть, что там за брат. Может быть тоже миллионер, но более продвинутый. Чем черт не шутит.

Однако, черт на сей раз не пошутил ни чем. Мы встречаемся в холле в обеденное время.

– Мой брат – Карл, – представляет Марк.

– Очень приятно, – Карл энергично трясет мою руку.

Он на голову ниже Марка, темноволосый, симпатичный, но по виду такой же не от мира сего, как и мой кавалер. На мне блузка, выставяющая на обозрение подпеченый в солярии животик и юбка в тон. Марк просил меня одеться сексуальнее, чтобы похвастаться перед братом. Мы садимся в такси и едем в ресторан. Карл пытается задавать мне вопросы через голову Марка. Я вяло отвечаю. В ресторане пожилой официант приносит нам меню. Карл очень рекомендует попробовать рыбу-меч. Мы соглашаемся. Разговор за столом держится исключительно на энтузиазме брата, потому что Марк после первого выпитого бокала признает себя в дризину пьяным и сидит, откинувшись на спинку стула с глупейшей улыбкой на лице. Карл спрашивает, где я учусь, нравится ли мне Италия и всякую прочую дребедень. Я односложно отвечаю. Потом он начинает говорить о своей работе и тут уже остановить его невозможно. Никто, впрочем, и не пытается. Я давлюсь горькой рыбой-меч. Что делает Марк, я уже описала.

– У вас имена вроде не американские, – отодвинув от себя тарелку, замечаю я, – Вот Карл, например, немецкое.

– Эээ нет, – загадочно улыбается немного протрезвевший Марк, – У него имя русское.

– Это еще с какой стати? – удивляюсь я.

– А Карл Маркс!

Ну, тут, товарищи, не поспоришь.

Обед закончен, и мы выходим из ресторана. На улице прохладно. Карл пытается приобнять меня, чтобы согреть. Я удивленно оглядываюсь на Марка. У них что принято – твоя девушка – общая девушка? Марк не реагирует никак, он все еще изображает из себя пьяного и потому слегка покачивается на ветру. Впрочем, покачивается он всегда. У меня создалось впечатление, что у него вместо костей жвательная резинка. Так или иначе, я отталкиваю от себя неожиданно активного тезку Маркса и ковыляю в гордом одиночестве. Марк бубнит что-то насчет того, что ему опять придется платить за такси, и все таксисты ублюдки. Он так и говорит bastards. Вообще для интеллигентного человека Марк слишком часто употребляет нелитературные слова. Впрочем, у американских авторов вроде Джекки Коллинз эти изречения вполне литературны и составляют 80% общего текста.

– Я разочарован этими итальянцами, – гундит он.

– Если ты не замолчишь, я буду разочарована тобой, – огрызаюсь я.

– Нет, ну в самом деле. Эти ублюдки...

Мне противно, и я стискиваю зубы, чтобы не сказать грубость. «Потерпи еще немного» уговариваю я себя, «скоро ты с ним расстанешься. Нехорошо ссориться под конец, мало ли пригодится еще этот зануда».

Я принимаю душ в отеле и собираю чемодан. Марк выкладывает на стол несколько сто-долларовых купюр, потом добавляет евро. Он роется с кошельке, и я задаюсь вопросом, какая еще валюта мне перепадет. Но больше ничего мой содержатель оттуда не вынимает. Он бормочет что-то и достает из сумки свой мобильник. До меня долетает «sell phone». Марк наверно хочет, чтобы я взяла его телефон и продала. Нет, ну до такого я не опущусь. О чем прямо ему и заявляю. Марк смотрит на меня озадаченно, и тут только до меня доходит, что он говорил

не sell – продавать, а cell phone – мобильный телефон. Он просто сетовал по поводу того, что его телефон не ловит зону. Ладно, и на старуху бывает проруха.

Через сорок минут мы в аэропорту. Я получаю посадочный талон и прощаюсь с Марком. Он жмет меня в объятиях до скрипа костей. Мне хочется побыстрее оттолкнуть его, но я терплю.

– Мы обязательно встретимся. Мы поженимся, и будем жить во Флориде, – напоминает мне Марк перед расставанием.

Я киваю и спешу вперед по корридору. Как только нескладная фигура Марка исчезает из виду, я вдыхаю воздух полной грудью. Наконец-то!

В самолете какой-то краснолицый мужчина с Ямайки пытается меня разговорить. Безуспешно. Я закрываю глаза, всем телом ощущая, как металлический корпус самолета отрывается от земли и замирает в невесомости. Открыв глаза, я наблюдаю, как внизу исчезают темные точки домов, сменяясь заснеженными вершинами Альпов. Арривидерчи, Италия. Что значит, до встречи. И я уверена, эта встреча состоится. Только при других обстоятельствах.

Дома меня встречает обалдевшая от счастья собака и взволнованная бабушка. Если последняя ограничивается крепкими объятиями, то первая сбивает меня с ног и наваливается сверху, жадно полируя шершавым языком мое лицо. Мне с трудом удается подавить столь активный натиск и подняться на ноги. Бабушка спешит разогреть голубцы, специально приготовленные к моему приезду.

– Ну, рассказывай! Как он? Где были? Что видели?

Я с удовольствием зачерпываю ложкой ароматный суп, по которому успела соскучиться.

– Да, не знаю, замуж зовет.

– Ну, а человек-то хороший?

«Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха – что такое хорошо, а что такое плохо?»

Что дальше было я не помню, и потому наверно до сих пор не знаю, как отличать хорошее от плохого. Вот про Марка, например, можно сказать, что он экономный. Это – хорошо. А если, сказать скупой – то плохо. Смысл один и тот же, а полярная противоположность. Если сказать странный – негатив. А эксцентричный уже вроде интересно. Все зависит наверно от отношения к человеку. Марк мне в целом не понравился, следовательно, он у меня будет и скупой и странный и занудный и т. д. Однако, бабушку расстраивать не следует.

– Нормальный человек.

– Но замуж не ходи. Уж больно далеко Америка.

Я киваю и ем. Замуж не пойду. И не потому, что Америка далеко.

Вечером я забираюсь в Интернет. Меня ждут десятки непрочитанных писем от поклонников со всего мира. Завтра. Этим я займусь завтра.

– Маша, погуляй с собакой. Ты с ней неделю не гуляла, – напоминает мама.

Собака громко поддакивает, точнее подгавкивает. Не хочется, но надо. Против них двоих не попрешь. Я застегиваю куртку-пуховик, и мы бежим по ступенькам вниз. На улице не лето. Это мягко сказано. Я читала в самолете книжку Сидни Шелдона, в которой знаменитый автор пишет про Россию. До этого, надо заметить, я ознакомилась со многими его произведениями. На удивление образованный американец переносит своих героев из Франции в Испанию, оттуда в Румынию и Китай и т.д и т. п. Он обожает вставлять в текст отрывки разговоров на иностранных языках, названия местных блюд и учреждений. Перевод обычно не предлагается, потому что само собой разумеется, что каждый грамотный гражданин должен знать, что такое garrote или sobardon, и как перевести возглас героя «Tengo miedo, abuelo». До того момента, как мне в руки попала книга про Россию, я не сомневалась в достоверности иностранных описаний. Последний шедевр, однако, сообщал доверчивым читателям, что в Москве зимой температура не поднимается выше – 30С, появиться на улице безоружным равносильно смерти, неотъемлимые блюда русской кухни – блины с икрой, салаты с водкой и закуски

uoblochнауа. Может быть, конечно, последнее название не кажется мне знакомым, потому что я живу в Латвии, а не в России.

У нас не Москва, и температура изредка поднимается выше -30С. Однако, кажется, это не тот случай. Я мгновенно замерзаю. Собаке на это глубоко наплевать. Одна долго, со скрупулезностью ученого, готовящего почву для важнейшего эксперимента, выбирает место для справления нужды. Определилась и присела, как на унитазе. Вид у нее при этом виноватый, глаза отводит, отворачивается. Стыдливая. Наконец, процедура облегчения желудка заканчивается, и мы спешим домой. Точнее я спешу, а она еле тащится следом. Ей еще гулять бы и гулять, тем более что на горизонте появляется знакомый боксер. Но из нас двоих решаю все-таки я.

– Красивая собака, у-тю-тю, – раздается откуда-то и, обернувшись, я вижу двух потертых подвыпивших мужичишек.

– И хозяйка ничего, – замечают великие ценители прекрасного.

Отслюнявили комплиментище. Впору зардеться. Из утомленного подсознания к чему-то всплывает строчка чьей-то песни: «Я дома! Мой город мне вернул покой!»

Среда

По мнению Валерии всегда чем-то обделенная, на сей раз событиями

Утро туманное, утро седое... Вроде уже и непривычно просыпаться в своей кровати. Рядом неслышно ничего похрапывания. Нет надобности первым делом тащиться в ванну, чтобы привести себя в порядок. Вместо того, чтобы мучить сонные глаза линзами, можно просто нацепить на нос очки, не беспокоясь о том, что с их помощью глаза визуальное уменьшаются в два раза. Хорошо-то как!!! Я сладко подтягиваюсь и выкатываюсь из-под теплого одеяла. События последних дней проносятся перед глазами пестрой каруселью. Марrrrrrrрк. Надо решить, что с ним делать. Выкинуть и забыть, как неудачную вещь, приобретенную за копейки на распродаже и ни разу не надеванную? Или бережливо припрятать на будущее – мало ли что? Или, перебывая в постоянном отторжении, попробовать пожить в благословенной Флориде а-ля «стерпится, слюбится»? Эх, тяжелая это работа, принимать решения.

Я завтракаю и по выработавшейся годами привычке заползаю в Интернет. Мой почтовый ящик до отказа набит письмами и спамом. Для чайников, который не знают, что такое спам, объясню. Спам – это те же самые листики, которые промерзшие до костей студенты и пенсионеры пытаются впихнуть вам на улицах города. В них заманчивые предложения похудеть за три дня, питаясь исключительно солеными огурцами, получить лучшую в мире работу, не вставая с дивана и, в конце концов, просто нереально ошастливиться нахалюу. Только на сей раз заманчивая и крайне ценная информация присылается вам по сети в виде электронного письма. Вы не можете от него отмахнуться, вам остается только, скрипя зубами, стирать эти неиссякающие предложения. Именно это пытаюсь сделать я, с трудом, пытаюсь разобрать, who is who, а who можно еще посмотреть. «Увеличь свой орган в четыре раза! Удиви всех!» Вот уж действительно все удивятся. Подобные предложения приходят мне на имейл постоянно. Не знаю, как им объяснить, что мне нечего увеличивать. Со своей настырностью они рассчитывают на то, что в конце концов, отчаявшись присечь эту упорную пропаганду, на чудесное увеличение согласится даже женский пол. «Посмотрите как школьницы делают *это* с хомьяками» предлагал следующий заголовок. «Бритни Спирс голая!!!» О, сбывлась мечта идиота. Всю жизнь мечтала посмотреть на голую Бритни Спирс со школьницами и хомьячками. Дальше

тичного американца. На фото он выглядит как кинозвезда и пишет о себе вполне грамотно. Я отвечаю ему просьбой выслать еще фото и рассказать побольше о себе. Где-то в глубине почтового ящика обнаруживается письмо от Марка. Он пишет, что уже дома и мучается от jet lag, по-нашему разницы во времени. Вообще американцам мало того, что своего языка они не придумали, а просто позаимствовали один из наилегчайших в мире – английский, так они и им пользоваться, как следует, не умеют. Из некоторых слов повыкидывали буквы (британское favourite американец уверенно напишет без лишнего u), некоторые просто срослись – I want to – I wanna, What do you want, – Waddy want? Got you – Gotcha. Но и этого им мало, в разговорной речи они вообще глотают половину звуков. Слышны только начало и конец предложения. *Whasay?* примерно так в кино произносится вопрос *What did you say?* Ну, вот, чего я опять на американцев напала? Марк пишет, что любит и скучает. А я не люблю и не скучаю. Потому что Марк – не тот человек, к которому я могла бы испытывать подобные чувства. А кто такой человек? Существует ли он вообще? Я на мгновение взгрустнула. За циничной маской я все-таки в глубине души наивная мечтательница. Не знаю уж радоваться этому или стыдиться.

По телевизору тем временем начинается передача Непутевые заметки. Наш ДК летит в Париж. С первых слов он ставит на место распустившего слюни среднестатистического телезрителя. «Если бизнес-класс вам не по карману, лучше сидите дома. На удобстве нельзя экономить». На экране наш ДК принимает бокал шампанского из рук симпатичной стюардессы. «И вот мы в Париже» без особого энтузиазма вещает сноб. В Париж слетать вроде как в деревню к бабушке. «Не ждите, что я покажу вам Эйфелеву башню и пройду с вами по Елсейским полям» наносит следующий удар искушенный путешественник. «Мы с вами отправимся за покупками. . . нет не в Галлери Лафайетт, за кого вы меня принимаете? Наш путь лежит на rue de la Paix, которая известна как самая дорогая улица в Париже. Вы скажете колье за 250 000 евро в бутике Картье вам не по карману, тогда что вы вообще делаете в Париже вместе *со мной?*» «Ничего не делаем, и ты уже тоже ничего не далаешь, проклятый буржуин» злюсь я и выключаю телевизор.

Вздыхнув с облегчением, возвращаюсь в виртуальный мир. «Нашелся Ваш одноклассник!» спешит порадовать меня новое сообщение. Интересно, интересно. Захожу на сайт своей бывшей школы, благополучно законченной четыре года назад. Кто же там у нас нашелся. Василий Брынза. Четыре года срок немалый, но и не на столько большой, чтобы я запямятовала имя родного одноклассника. Эту фамилию я встречала только в супермаркете, в сырном отделе. Ладно, черт с ним, что там у нас новенького? Ага, намечается встреча выпускников. На следующей неделе. Сходить что ли, потряхнуть стариной, раскинуть понтами?

– Мама оставила тебе список имейлов, на которые нужно отправить СиВи, – извещает меня бабушка.

Именно. Пора заняться делом. Я изучаю двухстраничный список. Некоторые адреса кажутся более чем знакомыми. Вот на этот, скажем, – гена собака денег точка нет, точно послала. Шучу. Ладно, примемся за дело. Осчастливим отчаившихся работодателей моим ценнейшим СиВи.

Звонит Марк. Он все еще горит желанием видеть меня снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.